

Н.Д.Руссеев

МОЛДАВИЯ В «ТЕМНЫЕ ВЕКА»: материалы к осмыслению культурно-исторических процессов

*«В старину вся Молдавия делилась на три части:
нижнюю, верхнюю и Бессарабию»*

Димитрий Кантемир

N.D.Russev. Moldavia in «Dark Ages»: Materials for Understanding Cultural and Historical Processes.

The article provides an analysis of some vague pages of history of Carpathian-Dniester lands on basis of archaeological, numismatic and written sources.

An analysis of messages given by various written records of Tatar domination epoch concludes that a «Country of Vlachs and Russians», an ethno-political formation genetically connected with the medieval Moldavian state existed in the Eastern Carpathian region already in the second half XIII century. A newly emerged large political centre under a powerful Mongol commander Nogay in the Low Danube region enabled constitution of a rather independent and advanced in its cultural and historical development Golden Horde province.

It managed to preserve its characteristic features in XIV too, in spite of changes in the internal political situation in Djuchi's Ulus. Nomads' steppes coexisted here with towns and regions of settled life, merging traditions of Europe and Asia into a complicated structure.

After dismantle of the Horde State, Moldavia emerged to the international stage and during a quite long period of time continued integrating «the Upper Country», «the Lower Country» and «Bessarabia» into one whole historic space. The beginning of exploitation of lands between Prut and Dniester (in the time of Bogdan I) and the first break-through of the Moldavians to the Lower Danube (in the time of Petru Muşat) were of a great importance for a successful development of Moldavian statehood. These acquisitions, happened to be short-term ones at a time, were made on the background of a large ethno-cultural variation of the population. Medieval records perfectly showed a close Roman, Slavic and Turk interaction which laid down the basis for a peculiar Moldavian civilisation of XIII-XV centuries.

1. «Страна валахов и русских»

Историографическая традиция, начало которой положили еще летописцы XV в., однозначно связывает появление Молдавского государства с освобождением Карпато-Днестровских земель от власти ордынцев. Много сложнее обстоит дело с анализом исторических процессов в регионе в то время, когда он находился в зоне политического господства Улуса Джучи. Между тем, именно характер отношений между местным и пришлым населением в значительной мере обусловил конечный результат — ассимиляцию тюркского элемента в романоязычной среде. К сожалению, нынешнее состояние источниковой базы не позволяет заниматься историческими реконструкциями широкого масштаба. Для начала необходимо проведение работ по освещению отдельных сюжетов и установлению особенно важных фактов изучаемого процесса. Именно детали-

зация проблематики при одновременном накоплении достаточного количества положительных решений создает надежные научные предпосылки для перехода к более высокому уровню обобщения.

Первые столкновения населения Карпато-Дунайского региона с монголами относятся к 1241 г., а «с 1243 г. начался новый период истории, то есть сложилась новая расстановка сил и целей» (Гумилев 1989: 513) — возникла Золотая Орда. Из донесения католического миссионера Гильома Рубрука, датированного маем 1253 г., можно составить представление о владениях монголов в Европе: «От устья Танаида к западу до Дуная все принадлежит им; также и за Дунаем, в направлении к Константинополю, Валахия, земля, принадлежащая Ассану, и Малая Булгария до Склавонии» (Путешествия 1957: 89). В письме венгерского короля

Белы IV папе Иннокентию IV сообщается, что данниками татар в 1254 г. являются «*области, которые граничат с востока с моим королевством — Русия, Кумания, бродники, Булгария*» (Писма 1981: 101). Разглядеть за средневековыми терминами обитателей Восточного Прикарпатья оказывается трудной задачей, тем более, что в течение последних десятилетий высказано немало зачастую противоположных точек зрения. Тем не менее имеется несколько письменных свидетельств, по всей видимости, действительно относящихся к населению будущей Молдавии. Они требуют более подробного рассмотрения.

В сочинении персидского историка Рашид ад-дина (1247-1318) «Джами-ат-Таварих» — «Сборник летописей» (Тизенгаузен 1941: 38; Рашид-ад-дин 1960: 44-45. См. Петрушевский 1952: 7-37; Новосельцев 1989: 222, 230) имеется не раз обращавший на себя внимание отрывок. В прочтении румынского ориенталиста А.Дечей он выглядит следующим образом: «*Бучек, пройдя по дороге Караулаг через горы, разбил те племена Улаг. И оттуда он вошел в лес и горы Япрак-Так до пределов Мишелава и разбил неприятелей, ожидавших его там*» (Desei 1973: 104-120). Так один из полководцев Бату с боями прошел в 1241 г. в Венгрию. Надо думать, что при всем искажении имен собственных «*Япрак-Так*» означает Карпаты, «*Мишелава*» — известного валашского воеводу XIII в. Сенеслава, а «*Улаг*» — владов, живущих в Карпатах. Впрочем, такое толкование не единственно возможное — «*пределы Мишлява*», например, отождествлялись и с Милковской епископией (см. Параска 1981: 27-28). Что касается понятия «*Караулаг*», то за ним легко читается значение «*черные вlahи*» или даже «*Черная Влахия*». Смысл определения «*черный*» А.Дечей объясняет как «*зависимый*». Однако, судя по всему, ближе к истине взгляд, сопоставляющий данный топоним с византийским эквивалентом «*Мавровлахия*», означавшим Молдавию XIV-XV вв. (Павлов 1989: 29). Если это так, то здесь впервые встречается будущее наименование страны. Для трактовки названия «*Караулаг*» логично привлечь ордынские представления о цветовой символике. В соответствии с ними белый цвет ассоциировался с западом, синий или голубой — с востоком, красный — с югом, а черный — с севером. Не случайно некоторые восточные источники называют владения Бату и его наследников Ак-Ордой, то есть Белой Ордой, западной в числе подчиненных Чингисидам земель (Егоров 1985: 160). В данном контексте понятно, что речь попросту идет о «*северных влахх*» или «*Северной Влахии*». Это на самом деле фиксировало местоположение Молдавии и ее жителей во всем восточнороманском ареале расселения. Интересно, что обозначением народов и государства по сторонам света не пренебрегали и в Европе. В Византии ордын-

цев Северного Причерноморья иногда именовали «*гиперборейскими скифами*» (Кантакузин 1980: 377), а в латиноязычных документах встречается топоним «*Аквилонская Татария*» — *Tartaria Aquilonaris* (Golubovich 1913: 72, 267, 268, 568), что в обоих случаях означает реалии северные, из районов «северного ветра».

Еще один знаменательный пассаж содержится в труде Плато Карпини — посланца упомянутого уже Иннокентия IV к великому хану. Возвращаясь в 1247 г. в Европу, он повстречался с двигавшейся на восток делегацией. «*При выезде из Комании мы нашли князя Романа, который въезжал в землю Татар, и его товарищей и живущего поныне князя Алогу (Алоха) и его товарищей. С нами из Комании выехал также посол князя Черниговского и долго ехал с нами по Руси. И все это Русские князья*» (Путешествия 1957: 82). Исследователи давно обратили внимание на князя, названного «*Алога*», «*Алоха*», «*Олаха*». Этот князь «*Волох*» (!?), как полагают, отнесен к числу «*русских*» по религиозному признаку, поскольку, в отличие от путешественника-католика, все встреченные им люди исповедовали православие (Brătianu 1991: 133-140; Spinei 1982: 189).

Данный отрывок можно сопоставить с информацией Рубрика о выплате дани татарскому хану валахами, которые сами «*едут ко двору*» ордынского властителя (Путешествия 1957: 117). Правда, не всегда ясно, идет ли речь о населении Восточного Прикарпатья или же о представителях общностей, обитавших южнее Карпатской горной гряды. Между тем, важным основанием для локализации земель загадочного князя является упоминание рядом с ним Романа, который отождествляется с сыном Даниила. Этот самый западный из русских князей, как известно, правил в Галиче, пытаясь распространить свою власть на соседние земли, вплоть до Киева (см.: Крип'якевич 1984: 92-104). Если такое понимание верно, то земли князя «*Олаха*» нужно искать где-то близ пределов Галицкой Руси, как раз на восточных склонах Карпат. Кстати, пара Роман и Олаха поразительно напоминает другую — «*два брата Романъ да Влахата*» из славяноязычной молдавской летописи (СМЛ 1976: 55).

Следующий отрывок, касающийся избранного круга вопросов, сохранили египетские ученые-энциклопедисты — Рукн ад-дин Бейбарс (1245-1325) и следующий в изложении за ним ан-Нувайри (1279-1332). Излагая события рубежа XIII-XIV вв., современниками которых они являлись, эти арабские авторы отмечают «*грабительский поход в земли Валахов и Русских*». Его возглавляли два монгольских военачальника: Тунгуз и Таз — зять знаменитого темника Ногай, владевшего едва ли не всем Улусом Джучи (Тизенгаузен 1884: 116-117, 159). Высказаны мнения, относящие место происходившего рейда к двум разным странам (Параска 1981: 63-64) или к

одной — на севере Молдавии, граничившей с западнорусскими территориями (Spinei 1982: 190 etc.). Однако, как показало специальное исследование, арабские тексты указывают на одну «землю» или «страну валахов и русских» — «билад авлак-ва-р-рус» египетских энциклопедистов (Коновалова 1991: 73-75, 91-92).

Вполне возможно, что, говоря об упомянутой стране, авторы из Египта хотели передать не только, а может и не столько этническую ситуацию в ней. Скорее всего, здесь наука встречается с наименованием страны, причем отнюдь не сконструированным чуждеальными учеными, а звучавшим в тогдашней повседневности. В частности, с ним могли быть неплохо знакомы обитатели Нижнего Подунавья, поскольку в дунайской Исакке со своим пышным двором обосновался в конце XIII в. Ногай. Благодаря активной дипломатии этого временщика связи его ставки с мамлюкскими султанами были довольно тесными (см. Закиров 1966). Такого рода гипотеза подтверждается документами Константинопольской патриархии XIV в. В греческой политической терминологии Молдавия называлась «Россовлахией» и «Молдославией», на что уже было обращено внимание (Коновалова 1991: 92). Стало быть, не лишено оснований утверждение: как египетская, так и византийская формы наименований являются отражением одной и той же традиции наименования района Восточного Прикарпатья. Трудно удержаться от дальнейшего развития этой мысли, вспоминая сведение из сочинения Плано Карпини. Однако именно в разрезе предложенного тут понимания значения арабского выражения «Страна валахов и русских» становится понятным, почему папский посланец, непосредственно общавшийся с князем «Олаха», считает его русским.

Таким образом, уже материалы эпохи первых десятилетий ордынского господства позволяют говорить о существовании в Восточном Прикарпатья некоего территориального образования с названием «Караулаг» («Черная Влахия») и «Страна валахов и русских», закрепившимися в византийской дипломатической практике XIV в. Кстати, на юго-западе современной Черновицкой области Украины по крайней мере с XIV в. археологически засвидетельствована «этнически смешанная полоса поселений, где рядом со славянскими возникали и волошские села». В местности, где один из важнейших городов назывался «Черновцы» (!), судя по хронологии материальной культуры, вовсе нельзя исключать и более ранней датировки этой сети селищ (Тимошук 1969: 137-138, 143-181).

Отношения с ордынцами до некоторой степени вскрывают политические структуры этой «Северной Влахии». Глава страны, доставлявший дань лично монгольскому хану и именуемый «князем», по кругу функций в общих чертах может быть сопоставлен с русскими князьями, во всяком случае, в плане обязательств пе-

ред Ордой. Относительно спокойные периоды даннических отношений, как и в Восточной Европе, чередовались с годами жестоких военных вторжений. Вспышки агрессивности татар вызывались не только попытками освободиться от зависимости со стороны угнетаемого населения, но и внутренними неурядицами в самом Улусе Джучи. Так, набег Тунгуза и Таза, имевший место около 700 г.х. (1300-1301 гг.), произошел на фоне жестокой борьбы за главенство в золотоордынских пределах и носил, по словам арабских авторов, «грабительский» характер (Тизенгаузен 1884: 116). О присутствии в этих землях баскаков хана свидетельствует ряд топонимов, производных от названия ордынских представителей в подчиненных странах (см. Параска 1981: 34).

Реальность второй половины XIII в., подробно проанализированная П.Ф.Параской и В.Спиным (Параска 1972: 175-190; его же. 1981: 9-62 и др.; Spinei 1982: 157-203), может быть дополнена и уточнена в свете выявленных нюансов. В частности, славяно-молдавская летопись 1359-1504 гг. отмечает районы кочевков татаро-монголов в Восточном Прикарпатья и даже имя местного вождя: «В лето Владислава коралевства воздвижесе на Угры брань от татар, от князя Неймета с своих кочевий, с реки Прута и с реки Молдавы» (СМЛП 1976: 55). Именно вдоль рек отряды номадов в последней четверти XIII в. проникали в лесистые предгорные районы, заставляя оружием подчиняться себе местных жителей или просто занимаясь грабежом. Такое положение отмечают и памятники молдавского народного творчества. Как заметил Л.Л.Полевой, некоторые из исторических легенд Буковины связывают воедино рассказы о борьбе с татарами и о переселении сюда Драгоша (Полевой 1985: 94-96). Скажем, правивший в Кымпулунге легендарный капитан Негря (опять же «Черный!»), побеждает татар в кровопролитном двухдневном сражении, отстраивает разрушенный врагом город и выдает свою дочь замуж за Драгоша (Леженде 1975: 199-200). По другой легенде, воевода Драгош получил приглашение от послов из Сирета и Сучавы, прибывших с дорогими дарами от жителей городов, помогать в защите края от врагов Молдавии, включая татар. Драгошу действительно удалось «в короткое время очистить страну от них». Затем по решению местной знати воевода был избран господарем страны и поселился в Сирете (Marian 1981: 34-36). Независимо от того, как датировать приход Драгоша — 80-ми гг. XIII в. или серединой XIV в. (Параска 1981: 50-62; Полевой 1990: 17-21 и др.), — можно утверждать, что в Восточном Прикарпатья во второй половине XIII в. уже существовала политическая формация, находившаяся в зависимости даннического характера от ордынских ханов и подвергавшаяся время от времени нападениям со стороны монголов. Можно, пожалуй, предпо-

лагать существенную роль внешнего фактора (ордынского) в кристаллизации государственных структур этого образования (Параска 1972: 185-190; его же 1981: 30-62, 79-84 и др.; Spinei 1982: 157-289). Называлась вновь возникшая формация «Черная Влахия» в значении «северная» или «Страна валахов и русских», «Руссо-Влахия». Эти названия затем в XIV в. унаследовала Молдавия. При этом показательно, что официальное наименование государства надолго сохранило тип словесной конструкции, зафиксированной впервые на рубеже XIII-XIV вв. Речь идет о формуле «*Земля Молдавская*» в смысле «Страна Молдавская», регулярно фиксируемой документами 1384-1504 гг. (DRH.A I-III 1975-1980) да и более позднего времени. Не исключено отражение в такой типологически архаичной фразе стремительности процесса сложения молдавской государственности на базе более древних территориальных образований.

Отношения с Золотой Ордой у раннемолдавского государства сохранялись примерно на одном и том же уровне вплоть до середины XIV в. Затем Улус Джучи потрясли внутренние усобицы, позволившие отбросить ордынскую зависимость. Прежние договорные отношения к этому времени, очевидно, перестают существовать, хотя данное обстоятельство едва ли мешало ордынцам видеть в прикарпатских землях объект для своих грабительских рейдов. Общее изменение ситуации произошло во второй половине столетия примерно со времени, которое по летописной традиции принято считать точкой отсчета в развитии молдавской государственности, — 1359 г. Записанная в эпоху Стефана Великого версия основания государства гласит: «*И выбра из своей дружины себе мужа разумна именем Драгоша и назваша его себе господаремъ и воеводу. И оттоле начашася божиимъ произволениемъ Молдавская земля*» (СМЛ 1976: 57-58).

Молдавский летописец Григоре Уреке, написавший свое произведение на родном языке в 1642-1647 гг., трактует это событие как «*дескэликат*» — буквально «спешивание». У него Драгош оказывается выборным предводителем «*пастухов из Ардяла*» (Уреке 1971: 60, 67). Считается, что главными источниками Григория Уреке были не дошедший до нас памятник, именуемый «молдавский летописец» (Eşanu 1994: 11-43), и богатый фольклорный материал (Гацак, Рикман 1977: 203-216; Полевой 1990: 10-12). Переписчик Симион Даскэл сделал в первоначальный текст летописи Григоре Уреке вставку о встрече Драгоша в районе будущего города Сучава со стариком Яцко (Ецко). В этом эпизоде убившие тура люди по дыму костра вышли на пасеку, принадлежавшую русскому человеку из польских владений — «*рус ден Цара Лешаскэ*». От Ецко Драгош со спутниками узнали, что «*это место — пустынное и*

без хозяина» («*есте ун лок пустиу ши фэръ стэпын*»). Поэтому вскоре они собрали за горами соплеменников и вновь перешли Карпаты, где «*обосновались сначала в предгорьях и расселились по Молдове вниз*» («*ау дескэликат ынтей супт мунте ши с-ау лэцит пре Молдова ын жьос*»). В свою очередь пасечник привел «*много русских*» («*рус мулць*») из «Земли Ляшской», поселившихся вверх по реке Сучава и по Сирету со стороны Ботошань (Уреке 1971: 65-66). Интересно, что археологически селища с керамикой галицкого типа обнаружены даже в Кодрах центральной части Прутско-Днестровского междуречья. Эти поселения появляются тут еще в XII в. и связываются с миграцией из Юго-Западной Руси т.н. «галицких выгонцев». Судя по материальным остаткам, жизнь на некоторых из названных памятников продолжалось и в золотоордынское время, по меньшей мере до середины XIV в. (Бырня 1969а: 91-102). В последнее время в ходе изучения керамического комплекса Старого Орхей XIV-XVI вв. выделена еще одна группа гончарных изделий галицкого типа. Эта посуда, представленная в коллекции городища довольно большим числом фрагментов, находит прямые аналогии на памятниках Рашков и Гореча. Для галицких горшков характерны прямые отклоненные наружу венчики и грубый штампованный в виде трех- и четырехугольников орнамент, нанесенный косыми рядами на плечики сосудов. Данная категория орхейских находок датирована второй половиной XIII — первой половиной XIV вв. (Gorodenco 1999: 11).

Сложно доказать, что рассмотренный пассаж из летописи Григоре Уреке целиком соответствует действительным событиям. Вместе с тем, романско-славянский состав населения края — факт неоспоримый. Замечу, что «русскими» молдавская летопись называет русинов, которых этнографы сближают, а иногда и отождествляют с украинцами (Гацак, Рикман 1977: 215). Их потомки, более-менее сохранившие свою традиционную культуру, до сих пор и нередко бок о бок с романоязычными соседями проживают на территориях современных Украины, Венгрии, Словакии, Румынии и Молдовы. Такого рода этноязыковой ситуации в средневековой Молдавии и стремился дать историческое толкование летописец, обращаясь к фольклорному по характеру сюжету о встрече Драгоша с Яцко. Показательно, что молдавско-русинский народностный облик касается прежде всего «*Верхней страны*» или «*Цара де сус*» (см. Кантемир 1973: 21-24) и по времени сложения связывается источником с ордынским периодом истории. Именно тогда, когда Восточное Прикарпатье находилось «*во край татарьскых кочевнищ*» (СМЛ 1976: 57-58), в арабскую литературу проникли первые сведения о «*Стране валахов и русских*».

2. Судьба улуса Ногая

Расцвет кочевых степей на юге будущей Молдавии историография связывает с темником Ногаем, деятельность которого представляет наиболее значительное явление во внутренней жизни Золотой Орды последней трети XIII в. Закрепившись на самом западе монгольских владений, беклярибек Ногай проводил независимую от Сарая политику. Благодаря его деятельности, здесь на окраине евразийских степей возник второй политический центр Золотой Орды. В последние два десятилетия XIII столетия Ногай стал фактическим повелителем всего государства Джучидов, подчинив себе многих русских князей, Болгарию, Византию; совершая дальние походы в Центральную Европу. В прямой зависимости от роста политического значения владений временщика находится и временный подъем экономики у кочевников Поднепровья во второй половине XIII в. Как активизация жизни кочевников воспринимается и изменение демографической ситуации за счет переселения в Северо-Западное Причерноморье новых групп степняков.

Вместе с тем, вопрос об улусе Ногая относится к малоразработанным аспектам монгольского господства на западе степного Причерноморья (см.: Егоров 1985: 19, 22). Господство Ногая в Золотой Орде попало в поле зрения многих современников, да и более поздних авторов, оставивших о нем более или менее полные свидетельства. Тенденциозность и противоречивость источников делают их общую для этого сюжета линию достаточно «узкой». Во-первых, владения Ногая, помещаемые в Дунайско-Днестровских низовьях, различные авторы расширяют как на восток, так и на запад. Во-вторых, документы единодушно отмечают исключительность роли Ногая в золотоордынском государстве. Не случайно русские летописи именуют его то ханом, то царем. В-третьих, источники повествуют о крахе Ногая в жестокой борьбе с ханом Токтой. Практически все прочие проблемы однозначно не решаются. Одним из спорных вопросов оказывается и исследование местоположения владений Ногая.

По сообщениям арабских авторов, Ногай пребывал как на самом западе подчиненных монголам земель. Как следует из источников, после его гибели сын хана Токты Тукулбуга или Букулбуга по приказу отца *«утвердился в Исакчи, на реке Дунае и на местах, прилегающих к Железным Воротам, где находились становища Ногая»* (Тизенгаузен 1884: 117, 161). Топоним «Железные Ворота» нередко смущает исследователей, поскольку таково традиционное наименование Дербента. Однако в данном случае весьма показательно обстоятельство места — «на Дунае». Это название применительно к Дунаю встречается и в источниках европейского

происхождения — например, в записках баварского рыцаря Иоганна Шильтбергера (Шильтбергер 1984: 9). Под Железными Воротами, как указывал Ф.К. Брун, издревле подразумевалась переправа в районе Исакчи, известная с античного времени (Брун 1880: 198). Однако с большим основанием это место локализуется гораздо выше по течению реки, близ румынского города Турну-Северин, где Нижнедунайская низменность резко прерывается горной грядой.

Границы владений Ногая, похоже, не просто доходили до Дуная, но включали земли на его правом берегу и, в частности, в северной части Добрудже. Это мнение уже высказывалось в исторической науке (Федоров, Полевой 1973: 345), но затем вследствие отсутствия достаточной аргументации было подвергнуто критике. По утверждению В.Л.Егорова, опирающегося на арабские и византийские источники, Ногай не мог владеть задунайскими землями (Егоров 1985: 35).

Действительно, византийский историк Никифор Григора, описывая время освободительной войны в Болгарии под предводительством Ивайла, сообщает, что монголы были силой оружия отброшены за Дунай. На этой ситуации еще предстоит остановиться ниже, а сейчас уместно подчеркнуть, что период наибольшего могущества Ногая в Подунавье приходится на последние 15-20 лет XIII в. Именно тогда он становится полноправным хозяином региона. При этом отношения могущественного темника с Болгарией, в отличие от Византии или Сербии, едва можно вписать в привычную схему «сюзерен — вассал». Болгарский царь Георгий I Тертер (1280-1292) примерно с 1285 г. оказывается едва ли не целиком во власти временщика, несмотря на брак его дочери с сыном Ногая — Чакой. Чтобы сохранить за собой престол и хотя бы видимость самостоятельности, пребывание дочери в монгольском гареме оказалось недостаточным. Болгарский царь вынужден был отправиться заложником в ставку к своему свату сына и соправителя Тодора Светослава. Последующие попытки Георгия I Тертера проводить отчасти независимую политику потерпели крах, и он, попав в немилость, бежал из Болгарии. На тырновский престол был посажен царь-марионетка Смилец (1292-1298), претендовавший не более чем на исполнение воли Ногая (см.: ИБ-3 1982: 297-298). О походах на Болгарию в самом конце XIII в. источники ничего не упоминают, тогда как в 1297 г. ордынцы совершают опустошение византийских территорий и Смилец действует заодно с ними (Златарски 1972: 604). Из сказанного следует, что северо-восточные болгарские земли, в частности Добруджа, оказываются под жестким контролем Ногая. Особо важным в стратегическом отношении был район

переправы через Дунай, где размещались становища мятежного военачальника.

Решающим подтверждением такой точки зрения являются нумизматические данные. Сравнительно недавно осуществлено издание коллекции монет, выпущенных неизвестным прежде политическим образованием XIII-XIV вв. в зоне дунайской дельты с центром «Сақджа» — Исакча. Этот город производил от имени Ногаия и его сына Чаки (Джеки) серебряные и медные монеты, которые, в соответствии с наблюдениями Э.Оберлендер-Тырновяну, по стилю исполнения ближе к деньгам Сельджуков или Хулагуидов, а не Золотой Орды. Всего выделено 8 типов дирхемов и 4 типа пулов Ногаия, а также 3 типа дирхемов Чаки, чеканенных в 696-700 гг. — максимум с 30 октября 1296 г. по 8 августа 1301 г. В ряде случаев имя эмитента сопровождалось титулом «хан». Кроме того, монетные мастерские Ногаия выпустили 22 типа дирхемов в подражание ряду крымских чеканов хана Токты (Oberländer-Târnoveanu 1985: 585-590; idem 1997: 93-128).

Особый интерес представляет уникальная серебряная монета с тамгой Ногаия из знаменитого клада, найденного на холме Узунбаир неподалеку от Исакчи. Ее греческая легенда содержит имена Ногаия и Чаки (Iliescu, Simion 1964: 220, 226. Fig. 38). Помимо этого, к «гибридным» принадлежат две категории монет «деспотата Исакча». Первая чеканена около 1285-1295 гг. в Исакче, находившейся в вассальной зависимости от Ногаия. На аверсе монет этой категории (свыше 100 экз.) также изображена тамга темника. Реверсы выбивались штемпелями трех видов: с легендой IC-XC, с «греческим» крестом и надписью IC/XC/N/K или двуглавым орлом. Более поздняя серия выпущена около 1301-1307 гг., когда Исакча признавала верховную власть золотоордынского хана, надо думать, Токты. Эту малочисленную группу (8 экз.) отличают «тамга дома Бату» на лицевой стороне и надпись из греческих букв — на оборотной. Третья категория «гибридных» денег выпущена генуэзской сеньорией Исакчи около 1307-1311/1312 гг. На аверсах 45 экз. так называемых «генуэзско-татарских» эмиссий имеется тамга Джучидов, а на оборотной стороне — крест и латинские буквы, читаемые как «Сақджа». На некоторых монетах читаются даты по хиджре — 707 г. (1307/1308 гг.), 710 г. (1310/1311 гг.) и 711 г. (1311/1312 гг.). Гибридные монеты Подунавья чеканились главным образом из меди или бронзы (Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I. 1981: 89-110; idem 1989: 121-128; Oberländer-Târnoveanu 1987: 245-248).

Таким образом, примерно с 1285 г. до 1312 г. на Нижнем Дунае непрерывно ведется чеканка монет, связанных с господством Ногаия, Чаки и Токты. При этом переходы от выпуска «гибридных» эмиссий к собственно «ногаевским» и обратно, несомненно, фиксируют усиление, а затем ослабление власти ордынцев в крае. Эти

находки во многом проясняют политическую обстановку в Подунавье конца XIII в. и являются неоспоримыми свидетельствами истории владычества Ногаия, пытавшегося создать новую ханскую династию.

Продуктивно в данной ситуации проанализировать всю совокупность нумизматического материала золотоордынского времени в бассейнах Дуная и Днестра. Изучив случайные находки джучидских монет в степях, Г.А.Федоров-Давыдов еще в 60-е гг. сделал вывод о более интенсивном развитии товарно-денежных отношений у номадов Поднепровья во второй половине XIII в. по сравнению с другими районами юга Восточной Европы. Было отмечено и затухание товарно-денежных отношений в XIV в. (Федоров-Давыдов 1966: 216). Со вторым политическим центром Золотой Орды и его разгромом, вне сомнений, связаны клады, тезаврированные на рубеже XIII-XIV в. Кризис, вызванный борьбой Токты с Ногаем, дал в руки археологов и нумизматов ряд сокровищ: Аккерманский, Оцеленский, Узунбаирский и Прэжештский клады. Они насчитывают тысячи серебряных монет и другие ценности, что совершенно несопоставимо с небогатыми кладами XIV в. Наряду с джучидскими, эти клады содержат и византийские монеты. Старшие из монет Оцеленского и Узунбаирского кладов чеканены в 683 г.х., а Аккерманского — в 686 г.х. Младшие из монет Узунбаирского и Аккерманского кладов относятся к 699 г.х., а Оцеленского — к 698 г.х. К последним двум десятилетиям XIII в. относятся и монеты Прэжештского клада. Большое количество монет принадлежит крымскому чекану Токты и придунайским подражаниям (Iliescu, Simion 1964: 225; Iliescu, Țarălungă 1992: 247-253; Федоров, Полевой 1973: 366; Федоров-Давыдов 1974: 177, 178; Нудельман 1975: 95, 96; Oberländer-Târnoveanu 1985: 585-590; idem 1997: 93-128). Эти клады отмечают время апогея господства Ногаия. Показательны и единичные монетные находки XIII в. из придунайской полосы Мунтении, Молдовы и Добруджи (Iliescu 1958: 447-463; idem 1960: 263-277; Федоров, Полевой 1973: 345-346). Здесь они абсолютно преобладают над монетами XIV в. и намного превышают количество подобных себе к востоку от Днестра.

Немаловажно рассмотреть и погребения кочевников золотоордынского времени, количество которых в результате археологических исследований последних десятилетий резко возросло. В Северо-Западном Причерноморье обнаруживаются две зоны их концентрации — 1) нижнедунайская, тяготеющая к переправе у Исакчи, и 2) тираспольская — к востоку от Днестра, близ еще одной древней переправы через реку напротив Бендер. К сожалению, безынвентарность или отсутствие в захоронениях узкодатирующих материалов заставляют датировать эти памятники довольно широко — второй половиной XIII-XIV вв. или даже X-XIV вв. (Добролюбовский 1986: 82-103). Кроме монголов,

кочевники региона представлены печенежско-торческим и, в меньшей мере, половецким населением, что отразилось в погребальном обряде. Во второй половине XIII в. отмечено и появление захоронений черных клобуков, переселившихся к Дунаю из Поросья.

Тираспольская группа насчитывает 49 захоронений в курганах, в 7 из которых найдены монеты. Эти компактно локализованные погребения совершены в большинстве своем уже в XIV в. (см. Добролюбовский, Дзиговский 1981: 134-144; Добролюбовский 1982: 28-39; его же 1984: 155, 162-173). Соотнесение нижнедунайских погребений с известными тут нумизматическими материалами и появление в буджакских степях черных клобуков позволяет датировать эту группу памятников в основном XIII в.

Можно обоснованно утверждать, что центр улуса Ногай — район дельты Дуная с прилегающими к ней территориями на обоих берегах реки. Клады рубежа XIII-XIV вв. в историческом плане, несомненно, зафиксировали конец эпохи Ногай. Их картографирование фиксирует ареал от Сирета и Нижнего Дуная до устья Днестра. Топография кладов отмечает не только границы территорий военно-политического противостояния Ногай и Токты. Их близость к крупным городам в низовьях Дуная (Исакча — Вичина) и на Днестровском лимане (Белгород) показывает, что борьба в Золотой Орде особенно ударила по торговле генуэзских купцов. Цветущие города Крыма были опустошены походом Ногай 1298 г. Кроме ликвидации Ногай, итальянцы, очевидно, хотели бы сокращения византийцев как соперников в черноморской торговле. Положение греческих торговцев могло укрепиться во время сближения императора Михаила VIII Палеолога с Ногаем, хотя, по свидетельству Никифора Григоры, генуэзцы запретили им торговать без разрешения «у побережий скифов по ту сторону Истра» (см. Левченко 1956: 524). В свою очередь, серьезные неприятности генуэзцам могли причинить их вечные соперники — венецианцы. Еще в 1292 г. по решению Большого Совета Венеции к Ногаю прибыло специальное посольство, чтобы договориться об условиях торговли в землях монгольского владения. Послу предписывалось в случае успеха переговоров остаться консулом Республики Св. Марка (Коновалова, Руссев 1988: 75-76). Именно при Ногае размах международных торговых сделок в низовьях Дуная достигает больших масштабов. К сожалению, вопрос о глубоком археологическом исследовании ставки Ногай остается пока открытым. Небольшие раскопки Исакчи дали недостаточно материала для изучения роли этого центра в золотоордынскую эпоху. Однако работы Э. Оберлендера-Тырновяну наглядно показали перспективность исследования владений Ногай именно на территории Добруджи.

Может создаться впечатление, что вопрос

о локализации улуса беклярибека Ногай решен вполне однозначно и исчерпывающе. Это не совсем так, поскольку ставка временщика была весьма мобильна уже в силу традиций кочевой знати, вытекающих из характера хозяйства номадов. Имеются сведения об изменении границ улуса Ногай. Прежде всего, это сообщения наиболее осведомленных византийских авторов — Георгия Пахимера и Никифора Григоры. Пахимер указывает, что в ходе восстания Ивайла монголы уже к осени 1277 г. были изгнаны за Дунай, используя для обозначения ордынцев термин «придунайские скифы» (Пахимер 1980: 185). Отмечу факт, подчеркиваемый многими исследователями, — восстание вспыхнуло на северо-востоке Болгарии, где более всего хозяйничали ордынцы. Сюда, если следовать Пахимеру, «соседние тохарцы» совершали набеги «ежедневно» (Пахимер 1862: 400). Никифор Григора прямо пишет, что Ногай имел «постоянное местопребывание по ту сторону Истра» (Григора 1862: 143; его же 1983: 139). Эти сведения не согласуются с цитированными ранее сообщениями арабских авторов и связаны с более глубоким знанием византийскими авторами быстро изменявшейся политической обстановки в регионе. Смещение улуса в бессарабские степи как раз и фиксирует нестабильность положения края. После разгрома восстания в Болгарии границы подвластных территорий вновь продвигаются на запад, на этот раз включив в себя значительную часть болгарского государства.

Конфигурация улуса претерпевала изменения и в ходе борьбы с ханом Токтой. Прослеживается стремление Ногай вести военные действия вдали от своей ставки и придунайских владений. По данным Рукн ад-дин Бейбарса, он передал сопернику слова: «*Наши кони хотят пить, и мы хотим напоить их водоем из Дона*». Поясняющая фраза энциклопедиста — «*это река близ Сарая и на ней находятся становища Токты*» (Тизенгаузен 1884: 110) — дает некоторые представления о том, где проходила граница между двумя улусами. Сражений на собственной территории Ногай обоснованно опасался, поскольку войско его было набрано в подвластных землях и даже, согласно М.В. Левченко, главным образом в Болгарии и Молдавии (Левченко 1956: 514, 515). Кровавые вооруженные столкновения и сопутствующие им бедствия, перенесенные во враждебные страны, — являлись основной предпосылкой «легкой» вне зависимости от исхода сражений войны. Не случайно первая битва Ногай с ханом произошла в глубине Дешт-и-Кипчак, вероятно, на Северском Донце (Егоров 1985: 200).

Последняя битва временщика произошла «в местности, называемой Куканлык» (Тизенгаузен 1884: 114). Прежде предпринималось немало попыток идентифицировать этот топоним с известными в настоящее время, но вопрос

так и не решен окончательно. Несомненно лишь одно — битва имела место во владениях Ногай, много западнее первого сражения, быть может в Буджаке, на речке Когыльник (Spinei 1982: 171; Егоров 1985: 201). Однако предпочтительными выглядят доводы Ф.К. Бруна, который отождествлял «Кукашлик» с одним из одесских лиманов — Куяльником. Ему же принадлежит локализация юрта Ногай на восточном берегу Днестра (Брун 1880: 353), и для этого он нашел серьезные основания. На морской карте Андреа Бианко 1436 г. исследователь увидел сравнительно небольшой район, ограниченный нижним течением Днестра и его левым притоком Кучурганом, обозначенный надписью «*zizera ya de nogay*». Современное издание карты венецианца дает возможность прочитать слово «*logai*», действительно помещенное близ моря, вдоль левого берега Днестра (Димитров 1984: № 17).

С одной стороны, подавляющее большинство исторических фактов и датировок как будто целиком противоречит этой гипотезе, но с другой — они не дают ключ к пониманию источника. Это противоречие можно удовлетворительно объяснить, если привлечь накопленные материалы золотоордынской эпохи из Поднепровья. Тираспольская группа погребений кочевников компактно расположена как раз в регионе, отмеченном на карте Андреа Бианко. Ряд из них датируется серебряными джучидскими монетами, охватывающими хронологический диапазон 681-729 гг. х. — это эпоха Ногай, Токты и частично Узбека. Хотя рисунки монет отсутствуют, а их словесные характеристики очень общи, есть основания предполагать наличие в погребениях дирхемов, чеканенных в Исакче на Нижнем Дунае. В частности, к ним, вероятно, принадлежат две монеты с изображением птицы и зверя, неизвестные определявшему их О.Ф.Ретовскому (Гошкевич 1930: 104-111).

Примечательно, что, в отличие от тираспольских погребений, джучидские клады Поднепровья XIV в., включая и зону Кодр, как правило, датируются более поздним временем — 40-ми — 60-ми гг. (Нудельман 1975: 96-98). Памятники оседлого населения золотоордынского времени XIV в. также оказываются в ареале, отмеченном кладами. Мое наблюдение касается сельских поселений и городов — центров синкретической культуры: Старого Орхоя, Костешт, Белгорода. Начало их существования под властью ордынцев, судя по всему, также следует относить ближе к середине века. Исследование письменных памятников показывает, что Днестр с начала XIV в. становится рубежом, отделяющим непосредственные монгольские владения от земель, перешедших болгарскому царю Тодору Светославу (Brătianu 1926: 153-167; Коновалова, Руссев 1988: 33-45). В таком случае можно обоснованно полагать, что карта Андреа Бианко отметила не местонахождение самого Ногай, а пределы расселения «ногаев-

цев», подданных беклярибека, которые остались обитать на западных окраинах Золотой Орды и в XIV в. В таком выводе ничего удивительно нет, поскольку даже прямые потомки и родственники Ногай перешли на сторону хана-победителя Токты (Тизенгаузен 1941: 72).

О переселении «ногаевцев» источники ничего не сообщают, да и едва ли оно было практически осуществимым в условиях золотоордынской государственности, когда хозяйство кочевников оказалось связано со строго определенными зонами и маршрутами кочевков. По-видимому, в новых условиях, когда граница Золотой Орды проходила по Днестру, этот кочевой конгломерат продолжал осознаваться современниками в качестве улуса темника. Поэтому совпадение региона высокой концентрации древностей степняков XIV в. с ситуацией, отраженной картой 1436 г., оказывается не случайным. Отмечу, что карта Бианко вероятно не единственный источник, сообщающий о «ногаевцах». Ф.О.Петрунь, ссылаясь на неизвестную мне «Валашскую хронику», которая под 1402 г. свидетельствует, что Белгород входит в «землю *ногайскую*» (Петрунь 1928: 167). Другое не совсем ясное по содержанию сообщение о «белгородских *ногайцах*» датируется 1489 г. (Гизер 1999: 128). Можно думать, что во всех случаях говорится о некогда подчиненных Ногаю людях, а не о собственно *ногайцах*, известных в регионе вплоть до начала XIX в., но появившихся здесь при содействии Османской империи лишь в 1539-1568 гг. (Дрон 1983: 105).

Небезынтересным представляется прослеживаемый по источникам факт связи с Ногаем и его «наследством» двух городов — Исакчи и Белгорода. Известия о них хронологически совпадают с периодом возвышения и разгрома улуса Ногай. Об Исакче мы узнаем из арабских сочинений в конце XIII в., примерно тогда же — и о Белгороде, но от итальянцев (Полевой 1979: 67; Коновалова 1983: 35-50). Первыми из арабских авторов золотоордынской эпохи Белгород упоминают в 30-е гг. XIV в. Абу-л-Фида и ал-Омари. Оба знают город под одинаковым названием — «Акчакерман» (Тизенгаузен 1884: 236, 237; Aboulfeda 1848: 317), в котором современные исследователи видят вариант позднейшего — «Аккерман». Обращает на себя внимание созвучие наименований «Сақджа» и «Акчакерман», образованных от субстантивированных прилагательных, обозначающих неполноту признака. Наличие в топониме «Акчакерман» аффикса *ча/жа* позволяет переводить прилагательное «*а.к-ча*» или «*ак-жа*» как «беловатый». Однако наиболее старые значения этой общетюркской основы читаются как «серебряная монета» (сравните: «акче» — название турецкой монеты), «шелковая материя», «парча» (Севортян 1974: 120-121, 570-571). Напрашивается гипотеза о том, что в золотоордынское время название города в устье Днестра ассоции-

ровалось у современников вовсе не с беловатым или белесым цветом стен, а главным образом с богатством, развитой торговлей. Это вероятно, так как археологические изыскания, равно как и письменные источники, действительно представляют средневековый Белгород важным узлом международной торговли (см. Полевой 1979: 67-69; Кравченко 1975: 176-177).

Итак, возвышение Ногай и создание им на западе Дешт-и-Кипчак второго политического центра Золотой Орды привело к расширению улуса беклярибека. Степи до Дона и Крым на востоке и de facto Болгария на западе оказались в его власти. Центром временщика стало

нижнее Подунавье со ставкой в Исачке. После гибели Ногай его улус не был совершенно разгромлен. Он все еще сохранял свое созданное в 60-70-х гг. XIII в. ядро и даже название. После того как в начале XIV в. низовья Дуная и Днестра, в частности, портовые города, хан передал в управление болгарскому царю, центр «ногаевцев» сместился на восток, в район современного Тирасполя. Улус Ногай, в смысле удела, народа, прежде принадлежавшего эмиру-временщику, в той или иной форме существовал на протяжении всей истории господства татаро-монголов в Северо-Западном Причерноморье, лишь изменяя в зависимости от политической ситуации свои пределы.

3. Татарские «отчичи и дедичи» между Дунаем и Днестром

Распад Золотой Орды как единого государства начался вскоре после смерти хана Джанибека (1342-1357), что фактически совпадает с датой, провозглашенной молдавским официальным летописанием в качестве года основания государственности в Восточном Прикарпатье. Однако тенденция к распаду Улуса Джучи вовсе не означала быстрого схождения на нет роли кочевых орд и их властителей в жизни оседлых народов. Напротив, началась ожесточенная борьба зависимого населения ордынских окраин против прежнего засилья со стороны степи.

Для Молдавии прямых сведений об этом почти нет. До недавнего времени можно было назвать лишь грамоту Юрга Кориатовича 1374 г. В ней литовский князь и одновременно господарь Молдавии пожаловал белгородскому наместнику, некоему Якше Литавору, село Зубровцы за верную службу, в частности, за подвиги, совершенные в борьбе с татарами на Днестре — «*a naipaceji chr'blji podvizi is tatary ou sela zovomae V'lidici, na D'niestr'*» (DRH.A-I 1975: 416). Если верить процитированному документу, подлинность которого вызывает большое сомнение, к указанному году молдаване уже продвинулись до Днестра, овладели Белгородом, не позволяя ордынцам хозяйничать на юге Карпато-Понтийского пространства. Не останавливаясь специально на событиях времени правления литовского князя в Молдавии (см. Параска 1981: 106-109), хочу обратиться к сюжетам, касающимся роли ордынцев в крае с середины XIV в..

Археологические исследования наглядно показали восточный характер материальной культуры городов юга Карпато-Днестровских земель в 1350-1370 гг. — городища Белгород, Старый Орхей, Костешты (Кравченко 1986; Полевой 1969; Полевой, Бырня 1974: 13-24 и др.; Абызова, Бырня, Нудельман 1981; Бырня 1984; Рябой 1993). Можно говорить о высоком уровне социальной организации названных ордынских центров, несомненно, входивших определенным образом в государственные структуры

находившегося в состоянии «замятни» Улуса Джучи. По мнению С.А.Яниной, город на Реуте (городище Старый Орхей) был провозглашен знаменитым Мамаем и его марионеткой, ханом Абдуллахом, столицей под именем Шехр ал-Джедид или Янги-Шехр, то есть «Новый город» (Янина 1977: 193-213). Показательно, что название «Орхей» прямо сопоставляют с тюркско-монгольским «урга» в значении «ставка правителя» (Раевский 1964: 60; Дрон 1987: 54).

Как бы то ни было на самом деле, не приходится отрицать наличие сильных связей ордынских городов края с сельской округой — археологически это главным образом население, оставившее памятники с т.н. «красно-желтой ленточной керамикой» (Полевой 1964: 182-196; Полевой, Бырня 1974: 9-12 и др.), кочевыми степями Причерноморья и крепнущей тогда Молдавией. Параллельное существование двух противоположных по природе государственных структур между Карпатами и Днестром — на северо-западе и юго-востоке ареала — закономерно обращает внимание исследования к судьбе осколков Золотой Орды в Северо-Западном Причерноморье.

Хорошо известно, что созданное Бату государство являлось «носителем как бы двух стихий — кочевой, степной и городской, ремесленно-торговой». При этом «города и оседлость, с одной стороны, и кочевые степи — с другой, являлись двумя социально-экономическими сферами в Золотой Орде, мало и поверхностно связанными друг с другом» (Федоров-Давыдов 1965: 57; его же 1973: 29; его же 1976: 48). Однако их политические связи составляли важнейшее звено того единства, в котором главенствующее положение занимали представители кочевой аристократии. Хотя в первой трети XIV в. Улус Джучи и напоминал «купеческий султанат» (Гумилев 1989: 537), стоило лишь ослабнуть власти хана, как юг Восточной Европы превратился во множество мелких враждующих друг с другом, грабящих города и села кочевых владений. Именно такие обра-

зования, последыши гигантского государства Чингисидов, и представляли главную опасность для Молдавии.

Воспринимать номадов как дикие племена, беспорядочно носившиеся по степям, в корне неверно. О жестко регламентированной силовой схеме организации у монголов Плано Карпини пишет: «*Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают тысячникам, тысячники — сотникам, сотники — десятникам*». Его слова дополняет Гильом Рубрук: «*Всякий начальник знает, смотря по тому, имеет ли он под своей властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ, а также где он должен пастись со стада зимою, летом, весною и осенью*» (Путешествия 1957: 45-46, 91). При этом «тысяча» или «сотня» — вовсе не один лишь воинский отряд, а количество кочевых хозяйств, способных выставить данное число всадников.

Некоторые сведения о степных владениях кочевников в Подунавье содержат нотариальные акты генуэзца Антонио ди Понцо, составленные в Килии в 1360-1361 гг. Они называют трех «тысячников» — Конакобея, Менглибугу и Кою, перечисляют «сотни» Рабека, Келогги, Когикариоси и «десятки» Бору, Когимая и Токояра. Именно люди из подразделений этих начальников разного ранга участвовали в различных сделках в городе на Дунае, нотариально засвидетельствованных генуэзцем. Так имена всего лишь трех рядовых татар — Тобока, Темира и Даока — свидетельствуют о местном административно-политическом устройстве:

Thoboch tartarus de miliario Coia de centanario de Rabech de decena de Boru;

Themir tartarus de miliario de Conachobei de centanario Cheloghi de decena Cogimai;

Daoch tartarus de miliario Megliabocha de centanario Cogichariosi de dexena de Thocoliar (Pistarino 1971: 16, 22, 175).

Очевидно, что неподалеку от дунайской дельты кочевали коллективы номадов, организованные по принятой в Орде четкой десятичной системе. Естественно, если даже из окрестных с городом степей ордынцы могли бы быстро собрать войско только из этих трех «тысяч», то и они составили бы реальную угрозу оседлому населению края, которое вынужденно считалось со своенравием беспокойных соседей, особенно угрожавших городской жизни.

Между тем, помимо тысячников, должны были существовать обладавшие еще большей (в 10 раз) мощью «вожди» или «темники». По всем признакам, таковыми следует считать трех татарских военачальников, о которых сообщают белорусско-литовские летописи и хроники. «*Князь великий Ольгерд, собрав силы свои литовские, пошел и побил татар на Синих водах, трех братьев, Хачибя, Кутлугу и*

Дмитрия. А те три брата в Орде правили и были отчичами и дедичами Подольской земли, и от них на Подолии были назначены атаманы, которые ведали всеми доходами, и к ним приезжали татарские баскаки и, забирая у тех атаманов дань, отвозили в Орду» (Быховец 1966: 56; ПСРЛ-32 1975: 43-44, 139; ПСРЛ-35 1980: 66, 74, 138, 160, 186, 207, 228). Как установлено, это сражение произошло осенью 1362 г. на притоке Южного Буга реке Синюхе, где пользовавшиеся наследственными правами на Подолье представители высшей ордынской знати потеряли свои владения. Победа над ними открыла Ольгерду дорогу к черноморскому побережью. Разбитые ордынские отряды во главе со своими предводителями бежали. По некоторым сведениям, один из татарских вождей ушел к устьям Дуная и далее в Добруджу (Параска 1981: 103). Особый интерес у исследователей вызывал татарский вождь с христианским именем «Дмитрий». В нем иногда видят главу Ямболукской орды, районы кочевий которой определяются не совсем четко — от отрогов Карпат до Южного Буга (Шабульдо 1987: 67-73). Высказано мнение, что на самом деле Дмитрий, будучи лишь ленником Хаджибея, являлся одним из последних болоховских князей Подолья (Войтович 1996: 106-107). Существование столь радикально противоположных точек зрения историков ясно показывает, что история этого предводителя и возглавляемого им улуса остается пока слишком темной.

В литературе не раз говорилось об отражении имен двух из трех татарских вождей в гидронимии Северо-Западного Причерноморья. Речь идет о находящемся восточнее Одессы Хаджибеевском лимане и придунайском озере Катлабух. Местоположение водоемов с этими названиями делает вполне обоснованным предположение, что юрт Хачибя находился к востоку от Днестра, а Кутлугу — в степях между Днестром и низовьями Дуная. В обоих случаях о хронологических разрывах или простом совпадении речи быть не может. Литовский замок Кочубей на черноморском берегу (Caczibieiw in litrole maris sita), очевидно, близ одноименного лимана, зафиксирован грамотой 1442 г., а по данным Длугоша, существовал уже в 1415 г. (см. Грушевський 1995: 58-59, 607-608). Топоним «*Кътльбуга*» встречается в летописном тексте под 1485 г. (СМЛ 1976: 30).

Что касается Дмитрия, то маловероятно, чтобы он владел хотя бы частью Добруджи или Белгородом (Греков, Якубовский 1950: 282; Iorga 1899: 79; Spinei 1982: 274-278; Iliescu 1997: 161-178). Скорее всего, его земли следует помещать западнее Прута вплоть до Карпат, но на юге их естественной границей служил Дунай (во всяком случае, в районе Галац — Брэила). Такой подход к локализации земель Дмитрия находит документальное подкрепление. В районе, расположенном восточнее впадения Сирета в

Дунай, по грамоте короля Венгрии Людовика от 22 июня 1368 г. как раз и получили возможность вести торговые операции купцы из Брашова. Режим торговых льгот во владениях «Деметрия» (*in terra ipsius domini Demetrii*) устанавливался в обмен на аналогичные преимущества для купцов татарского правителя — *marcatores domini Demetrii, principis Tartarorum* (DRH.D-I 1977: 90). Договорные отношения с Деметрием венгерского короля свидетельствуют о значимости самого «принцепса» и о большой важности подчиненных ему земель в стратегических интересах Людовика I.

Вопрос о том, как далеко на восток уходили владения Дмитрия, кажется более сложным. Уже достаточно давно И.Г.Коновалова читала на некоторых экземплярах монет типа Шехр ал-Джедид не замеченное ранее слово «эмир». Изучая деньги местной чеканки из Старого Орехя, румынский нумизмат Е.Николае особо выделил выпуски в 769 и 770 гг. х. (1367-1369 гг.) с надписью «эмир». Он связал их выпуск с деятельностью крещеного татарского властителя Дмитрия. Это, конечно, предполагает его господство и в Прутско-Днестровском междуречье (Nicolae 1997: 197-200). Из-за недостатка материалов в настоящее время трудно однозначно сказать, насколько исследователь прав. Однако для такой локализации владений Дмитрия, пожалуй, имеется еще одно основание.

Православный монах Зосима, направлявшийся в 1419 г. в Святые места, описывает находившуюся на пути его паломничества переправу через литовско-молдавскую границу: «*Обретохом реку велику под Митиревыми Кишинами, еже зовется Нестр; тутю бяше перевоз и порубежье волоское*» (Зосима 1984: 121/299). Если в этом явно татарском топониме (см. ниже) определение «Митиревы» следует понимать как «Дмитриевы», тогда «земля» ордынского темника простиралась до Днестра. При этом указанный пункт достаточно далеко от устья реки, поскольку, согласно источнику, Белгород находился в трех днях пути от него. Считается, что названная переправа находилась в районе Бендер или даже Сорок (см. Аствацатуров 1997: 11-19).

Для понимания ранга татарских вождей ключевым является титул одного из них — Хачибей, т.е. «Хаджи бей». Титул «бей», равнозначный понятию «эмир», в Золотой Орде носили представители аристократии, не связанные узами кровного родства с Чингисидами. На латынь термины «бей» и «бег» переводились как *baron* или *princeps* (Федоров-Давыдов 1973: 46). А ведь именно «принцепсом» именуется Деметрий в латиноязычной венгерской грамоте 1368 г. Стало быть, точно устанавливается, что два из трех «братьев» носили один и тот же титул. По всей видимости, это были самостоятельные правители, имевшие в подчинении «тумены» или «тмы», поставлявшие 10 тыс. воинов. Кстати, в средневековой дипломатии термин родства «братья» подразумевал именно ра-

венство сторон, а отнюдь не наличие общих родителей. Если это так, то эти-то военачальники-бей и определяли статус западных пределов Золотой Орды периода ее распада. Имея в виду их политический вес, легче понять, почему первоначально темник Мамай с удовлетворением воспринял победу Ольгерда у Синих вод в 1362 г. (Гумилев 1989: 619). Очень вероятно, что именно Хачибей, Кутлубуга и Дмитрий находились в числе тех, кто стоял на пути установления власти Мамай во всем Улусе Джучи. По сообщению Никоновской летописи, события развивались следующим образом: «*Князь Ординский темник Мамай въздвиже ненависть на царя своего, и бысть силен зело; и възста на царя своего на Темирь Хозю, Хидырева сына, и замяте всем царством его Волжским* (т.е. «Волжским» — авт.), *и приат себе царя именем Авдула, и бысть брань и замятня велиа во Орде*» (ПСРЛ-10 1965: 233). В условиях столь живо описанного распада золотоордынского государства улусы «братьев», бывших, подобно Мамаю, темниками, стали самостоятельными государствами, правда, не отличавшимися большой прочностью.

Много споров связано с именем крещеного татарского «принцепса». Высказано предположение, что Дмитрий и сражавшийся в 1374 г. с литовцами «Темерь» или «Темерез» — одно и то же лицо. В таком случае все зафиксированные источниками варианты имени («Дмитрий», «Деметрий», «Темерь», «Темерез», «Митирь») являются различными огласовками и переосмыслениями распространенного у тюрков антропонима «Темир» (ОВИМК 1987: 20). Особых препятствий относительно трактовки христианского вероисповедания ордынского предводителя, жившего в пограничной с восточнославянской и католической цивилизациями полосе, тоже не возникает. Здесь еще во времена Ногая на стороне византийцев действовал крещеный военачальник из татар Касимбег, которому император пожаловал титул протостратора (Пახимер 1980: 181). Для анализа обстановки второй половины XIV в. продуктивным оказывается сопоставление западных владений Дмитрия с во многом совпадающей по местоположению католической Куманской, а позднее Милковской епископией (см. Князький 1980: 244-252; Параска 1981: 77-78 и др.; Spinei 1982: 67-71, 265-268 etc.). Именно в ее пределах Венгрия на протяжении долгого времени имела устойчивые интересы, что объясняет и мотивы, побудившие королевство к установлению связей в 1368 г. через Деметрия. Наслоением тонкого монгольского адстрата на половецкую основу с христианской традицией появление в Подунавье такого рода ордынского предводителя объясняется вполне удовлетворительно.

Такого рода этнический синтез не является плодом кабинетной фантазии. О роли половцев (куманов, кипчаков) в этногенезе ордынцев ясно говорит наиболее оригинальный из

египетских энциклопедистов ал-'Омари (1301-1349): «В древности это государство было страной Кипчаков, но когда им завладели Татары, то Кипчаки сделались их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кипчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар) и все они стали точно Кипчаки, как будто одного (с ними) рода, оттого, что Монголы (и татары) поселили на земле кипчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их (кипчаков)» (Тизенгаузен 1884: 235). Данный процесс не был чужд и степям Северо-Западного Причерноморья. В нотариальных актах Антонио ди Понцо среди ордынцев, упомянутых в сделках, присутствуют татары, «сарацины» (как правило, горожане — вероятно, приверженцы ислама) и даже одна рабыня монгольского происхождения (*de proienia Mogolorum*). Однако все они говорят в Килии на одном языке, с которого и переводят на латынь их речь, — куманском: *comanescha* (Pistarino 1971: 16, 22, 103, 175-176; Balard 1980: 84-86, 98-99, 107-108, 147, 193-194). Напомню, что часть этих людей принадлежит вполне оп-

ределенным кочевым образованиям, существовавшим севернее дунайских низовий всего за год-два до первого упоминания о Дмитриии.

Проследить дальнейшую судьбу кочевых владений на западных окраинах распавшейся Золотой Орды невозможно без обращения к более поздним свидетельствам. В отрывке из книги турецкого автора Мехмеда Нешри (XV в.), повествующем о походе османов под предводительством великого везира Али-паши в 1388 г. против Болгарии, имеется интересное указание. Турки послали специальных послов в земли, лежащие севернее устьев Дуная, где кочевали татарские орды двух известных уже «братьев» — Янджэ (Хаджи)-бея и Кутлу-бега. На их помощь рассчитывал возглавлявший 30-тысячное турецкое войско Али-паша (Нешри 1984: 93; Гюзелев 1995: 80). Показательно отсутствие в этом случае упоминания о Дмитриии, «земля» которого находилась поблизости. Можно думать, что взаимодействие османов с татарами основывалось на принципе общности веры. Тогда становится понятным, почему, воюя с христианами, Али-паша привлекал к союзу одних татар — мусульман, а пренебрегал другими — христианами.

4. Господарь Богдан — «эмир» ордынцев?

Следы Дмитриия логично искать в стане единовременцев. В частности, обращают на себя внимание факты, относящиеся к молдавскому господарю Богдану I, с именем которого уже не одно поколение исследователей связывает создание независимого государства к востоку от Карпат (Panaitescu 1990: 83-84). Трудности возникают с датировками. Господарство Богдана при всей разности позиций авторов относят к не очень широкому хронологическому промежутку — 1359-1369 гг. (например, ИМ-I 1987: 324, 370, 393; Gorovei 1973: 115, 120; idem 1997: 289; Parasca 1997: 14; Sacerdoțeanu 1969: 42-43; Boțșacov-Ghimpu 1979: 119). Судя по несколько противоречивым сообщениям летописцев, он правил Молдавией то ли 4 года, то ли 6 лет (СМЛ 1976: 24, 35, 58, 62, 68, 105). Если не мудрствовать и исключить невероятную возможность правления Богдана после Лацку, то элементарные подсчеты показывают, что рассматриваемый господарь находился у власти с 1365 по 1369 или даже 1371 г.

Историческое сочинение, принадлежащее придворному хронисту венгерского короля Людовика I и дошедшее до наших времен в составе свода XV в., сохранило данные о начальном этапе деятельности этого господара. «Богдан, воевода волохов из Марамуреша (*Wayvoda Olachorum de Maratorosio*), собрав волохов того района, перешел в тайне в Землю Молдавии, которая была подчинена венгерской королевской короне, но из-за соседства татар давно оставленную жителями. И хотя ему многократно пришлось сражаться с вой-

ском самого короля, он одержал верх, число волохов, населяющих эту землю, намного выросло, и она превратилась в королевство» (Spinei 1982: 313; Полевой 1985: 139; ИМ-I 1987: 324). Использование в тексте понятия «королевство» (*regnum*) показывает, что Молдавия добилась того же статуса, что и ее сюзерен. В итоге самой Венгрии пришлось согласиться с самостоятельностью возглавленной Богданом страны.

Близкие к приведенным сведения имеются в грамоте того же короля от 1365 г. Документ сообщает, что «пораженные дьяволом» воевода Богдан и его сыновья «тайно перешли из королевства нашего в указанную Землю нашу Молдавскую и пытаются ее удержать на позор нашему величеству» — *de dicto regno nostro Hungarie in pretactam terram nostram Molduanam clandestine recedentes, eandem in nostre maiestatis contumeliam moliantur conservare* (DRH.D-I 1977: 80-83; Полевой 1985: 139-140).

Богдан из Кухя в одной из грамот венгерского короля еще 1343 г. называется «бывшим воеводой» Марамуреша и «неверным» (*infidelis*) короне. Уже тогда он был не у дел, а может быть, даже и скрывался за марамурешскими пределами. Этот непокорный мятежник упоминается затем в 1349 г. Причем из документа следует, что Богдан являлся «династическим воеводой», поскольку воеводами также были его брат и племянник (Параска 1981: 94).

Когда в Молдавии вспыхнуло восстание против власти венгров и их сторонников, на его подавление по приказу короля в 1359-1360 гг. был

послан с войском Драгош из Джулешть (DRH.D-I 1977: 75-78). Впрочем, это выступление не являлось единственным. Восстания тут отмечены еще в 1342, 1349, 1364 г. (Cihodaru 1980: 130-131). В такой ситуации изменивший королю марамурешский воевода Богдан легко нашел убежище и поддержку в Восточном Прикарпатье. Оперевшись на солидарное с его борьбой местное население, он смог остановить карательные экспедиции венгров и отстранить от власти находивших общий язык с короной последователей Саса. Вполне правдоподобно, что появился Богдан в Молдавии в 1359 г., а утвердился тут в качестве господаря только к 1365 г. (Параска 1975: 48-49; его же 1981: 57).

Разумеется, основой для достижения независимости страной стала не его относительно малочисленная дружина. Богдан I со своими людьми оказался лишь в центре уже начавшегося в молдавских землях процесса кристаллизации самодостаточной государственной структуры. Вполне закономерно, что личный вклад господаря в международное признание страны отразило ее новое название — «Богдания». Оно использовалось как равнозначное понятию «Молдавия» прежде всего на востоке, особенно долго в Османской империи (Panaitescu 1990: 83-84).

В литературе высказаны догадки о договорных отношениях Богдана с Литвой, которая, разбив ордынцев на Синих Водах, в первой половине 60-х гг. XIV в. успешно продвигала пределы своих владений в Причерноморье (Полевой 1979: 34; Параска 1981: 95, 107). Идея такого рода заслуживает внимания, если учесть последующее вытеснение татар из края и роль литовских князей в истории Карпато-Днестровских земель. Вместе с тем нельзя не заметить, что расцвет находившихся в руках золотоордынских властителей городов Кодр (их остатками являются городища у сел Костешты и Требужены) и немало числа окружающих поселений приходится именно на время правления Богдана I. Его успех в противостоянии с могущественным Венгерским королевством возможен был только при условии мира на востоке. Это дает основания для предположения о лояльных отношениях, а то и военном союзе молдавского господаря с соседями-татарами. Более того, высказано мнение, что Богдана I в качестве ставленника «поддерживал хан Подольского улуса Тимур» — упомянутый выше «Темерь» (Войтович 1996: 111). По этой причине, независимо от того, как квалифицировать такое взаимодействие, очень вероятно, что ордынцы первыми стали называть Молдавию страной «Богдан».

В этом плане интерес вызывает сообщение еще одного восточного автора, Ибн Арабшаха (1388-1450). Он рассказывает как в конце XIV в. в ходе ожесточенной борьбы между Едигем и Токтамышем «отделилась часть» ордынцев. «Она ушла к румийцам и русским и, по сво-

ей злополучной участи и превратной судьбе своей, очутилась между христианами безбожниками и мусульманами пленниками. ... Имя этому отряду — Карабогдан» (Тизенгаузен 1884: 532). В этом не совсем ясном отрывке привлекает наименование «Карабогдан», хорошо известное и позднее (Нешри 1984: 319-320). Отмеченное «гибридное» имя обнаруживает аналогии сразу с двумя древними названиями Молдавии — «Богдан» и «Черная Влахия» («Караулаг»). На западное направление миграции из Золотой Орды указывает упоминание «румийцев и русских». Очевидно, имеются в виду владения византийских императоров и галицких князей, смыкавшиеся, согласно историографической традиции средневековья, в Карпато-Дунайском регионе. Любопытно, что пограничные особенности края улавливаются и на уровне материальной культуры. Например, известный клад первой половины XIII в. из Войнешть содержал украшения из Византии, а равно вещи киевского и галицкого происхождения (Теодору 1961: 503-520). В известной степени на этом культурно-историческом стыке и складывалась молдавская государственность.

В центре румынского города Рэдэуць сохранился древнейший в Молдавии храм Св.Николая, являвшийся господарской усыпальницей. В юго-восточном углу наоса этой трехнефной с мощными (до 1,40 м) каменными стенами и узкими окнами церкви похоронен ее ктитор, господарь Богдан I. Славянская надпись на украшенной богатым растительным орнаментом и цитом с головой тура надгробной плите гласит, что 27 января 1480 г. ее установил «своему предку старому Богдану воеводе» Стефан Великий (Grigoraş, Caroşu 1968: 9-14. Fig. 20).

По данным исследования в могиле in situ лежал скелет мужчины 60-65 лет. Ассортимент вещей из погребения не велик: 63 серебряные с позолотой пуговицы и золотой перстень, который был надет на безымянный палец левой руки. Судя по реконструкции господарского костюма, он вполне соответствовал стилю одежды европейской знати того времени. Напротив, в массивном (24,73 г) литом перстне соединены «готический мотив» (композиция из четырех голов хищных зверей с лапами) с арабской надписью «Аллах» на вставке. Вероятно, такие изделия могли выпускать ювелирные мастерские связанных с востоком портовых городов, вроде Перы, Каффы или Белгорода. Высказано предположение, что перстень Богдана I отразил дружественные отношения молдавского господаря с каким-то высокопоставленным монголом, возможно даже с ханом Абдуллахом, ставка которого располагалась на месте Старого Орхеев. Вполне вероятно, что эта вещь является косвенным материальным доказательством идеи о военном сотрудничестве молдаван с татарами в борьбе против Венгрии (Bătrîna L., Bătrîna A. 1983: 326-333).

Примечательно присутствие имени бога му-

сульман и на ряде монет чеканки Шехр ал-Джедид 767-769 г. (Янина 1977: 209). На некоторых экземплярах слову «Аллах» сопутствует титул «эмир». Однако фраза «*эмир Аллах*» кажется настолько нелепой, что Е.Николаев, не останавливаясь на ее анализе, счел возможным отнести эти монеты к выпускам правившего здесь немусульманина Дмитрия (Nicolae 1997: 200). В самом деле, «Аллах» как самое общее наименование бога до сих пор известно и у отдельных христианских народов. Например, у тюркоязычных гагаузов.

Однако монетные легенды, о которых идет речь, составлены, по замечанию С.А.Яниной, грамотно (Янина 1977: 209). Это ставит под вопрос версию о, казалось бы, очевидной абсурдности словосочетания «*эмир Аллах*». В свою очередь, надпись на господарском перстне из погребения в Рэдзэуць выглядит слишком лапидарной, чтобы носить охранительный характер. В таком качестве логичнее было бы использовать короткие восклицания или заклинания с именем Аллаха, в изобилии известные исламской традиции (см. Коран 1990). Сказанное позволяет мне обратиться к отвергнутой с порога и все же более естественной версии толкования обоих памятников.

Несомненно, на перстнях обычно помещались имена их обладателей, а на деньгах — имена эмитентов. Однако какую же антропонимическую нагрузку может скрывать слово, ясно читаемое как «Аллах»? У мусульманских народов немало имен, в составе которых содержится понятие «Аллах» (Гафуров 1987: 116-214). Однако называться именем бога в «чистом» виде — настоящее святотатство. Каждый правоверный знает: никто из людей не сопоставим с богом, поскольку «*превыше Он того, что ...Ему придают в соучастники*» (Коран 1990: 164). Вместе с тем особенность имени захороненного в Рэдзэуць молдавского господаря заключается в недвусмысленной смысловой сопряженности с надписью на его перстне — «Богдан» и «Аллах», т.е. «бог». Создается устойчивое впечатление, по меньшей мере, сознательного намека на данный антропоним. Арабское слово на перстне можно воспринимать и как неполный перевод имени молдавского господаря. Развивая далее эту мысль, трудно устоять перед соблазном прочтения странной монетной легенды «*эмир Аллах*» в значении «воевода Богдан». Титул арабского происхождения «эмир» или «амир» (в переводе — «правитель», «предводитель») характеризовал в Золотой Орде обладателей ленных держаний разных рангов — десятников, сотников, тысячников и темников, начальников городов и беклярибеков. Как правило, это были военачальники (Федоров-Давыдов 1973: 46-51; Егоров 1985: 166-171; Гафуров 1987: 79-80, 125).

Перевод имени собственного для письменной культуры эпохи средневековья был делом

довольно обычным. Именно так в результате пословного перевода греческой теофорной модели «Феодор» или «Феодот» и появилось славянское «Богдан» (Суперанская 1990: 154 и др.). Не являют в этом плане исключение и авторы рассматриваемых монетных легенд. Они редактировали название Нового города в двух вариантах: арабском и тюркском — «*Шехр ал-Джедид*» и «*Янги-шехр*». Написание имен православных правителей арабской графикой — факт тоже известный. Так, например, поступали на монетном дворе Москвы, где даже во времена Ивана III (1462-1505) выпускались деньги с «татарскими» надписями, передававшие имя эмитента как «*Ибан*» (Спасский 1957: 45-46).

Разумеется, эти данные объясняют далеко не все. Замена на монетах имени «*Абдуллах*» (буквально «раб Аллаха») на «*Аллах*» как будто демонстрирует явное противопоставление с повышением статуса эмитента, вопреки его не очень четкому титулу. Если под монетным сеньором подразумевается Богдан I, то надо признать хотя бы номинальную зависимость Нового города с округой или, скорее, всего улуса Дмитрия от молдавского господаря. Такая постановка вопроса требует объяснения отсутствия полного перевода имени «Богдан» на монетах.

Конечно же, составителям монетных легенд были известны разнообразные и распространенные в исламском мире эквивалентные имена, варианты такого перевода, в частности «Атаулла», «Тухфатулла», «Аллахдад» и особенно тюркское «Аллаберди» — все со значением «дар бога» или «дарованный (данный) богом» (Гафуров 1987: 124, 128, 196). Отмеченная несуразица рождает догадку о стремлении монетных мастеров и их прямых начальников — от городских властителей до Дмитрия — что-то утаить, и не только от людей, чьи нужды должны были обслуживать выпускаемые в Шехр ал-Джедид деньги. Правители улусов Золотой Орды, раздираемой тогда кровавыми внутренними усобицами, остро реагировали на изменения статусов соседних областей прежде единой державы. По этой причине в обстановке крайней нестабильности отношений такого рода знаки подчинения, прокламации которых добились сюзерены, вассалы старались маскировать. Подобные случаи зафиксированы в истории постджучидских монет. На некоторых монетах Василия I (1389-1425), чеканенных после 1410 г., встречается надпись PAPA, читаемая исследователями как «Мамай». Считается, что таким образом отмечено имя Едигея, заставившего московского князя признать его верховенство. При этом прозвание «Мамай» указывало на типологическую близость двух правителей, незаконно претендовавших на ханскую власть. «Тайнопись была скрытым восстановлением на монетах Василия I «ордынского» элемента как выражения подданства Орде» (Федоров-

Давыдов 1981: 64-65, 125-127). Мне представляется, что приведенные аргументы в какой-то мере проливают свет на историю молдавско-татарских взаимодействий к востоку от Карпат в 60-е гг. XIV в.

Некоторые нумизматы пытались связать с деятельностью Богдана I начало чеканки монет в Молдавии. Теоретически такое событие — показатель суверенных прав главы государства — вероятно. Однако нумизматические доказательства пока отсутствуют. Попытки связать отдельные типы молдавских монет с именем «Богдан» с перешедшим Карпаты марамурешским воеводой оказались неудачными. Их в настоящее время относят либо к Богдану II (середина XV в.), либо к Богдану III (начало XVI в.) — соответственно отцу и сыну Стефана Великого. Надежды на то, что такое открытие еще предстоит сделать довольно мало (Полевой 1972: 9). Вместе с тем имя Богдана I и его достижения на юго-востоке Карпато-Днестровского пространства в весьма своеобразной форме отразили наиболее поздние монеты Шехр ал-Джедид. Они дают основания полагать, что этот молдавский господарь, сделавший независимой «Верхнюю страну», предпринял первые успешные шаги к подчинению «Нижней страны», улуса крещеного татарина Дмитрия.

Впрочем, татарский фактор продолжал играть важную роль в истории региона. В конце XIV в. в Нижнем Подунавье еще сохранялись остатки прежде мощных ордынских улусов. В некоторых валахских грамотах, самая ранняя точно датированная из которых выдана 27 декабря 1391 г., имеется указание на протяженность владений Мирчи Старого (1386-1418) от гор до границ Татарии — *incipiendo ab alpibus usque ad confinia Tartarie*. Эта фраза на латинском, а также на славянском (*къ Татарским странам*) языках содержится и в титулатуре преемников Мирчи — господарей Михаила и Радула Праснаглава. В последний раз она встречается в грамоте от 1 июня 1421 г. (DRH.B-I 1966: 31, 36, 63, 66, 70, 73, 80, 88, 90, 96. А также см.: DRH.D-I: 119, 127, 197). Нужно отметить употребление словосочетания во множественном числе, т.е. речь идет как минимум о двух «татарских странах». Соседними с Валахией в конце XIV — первые десятилетия XV вв. могли быть только владения Дмитрия и Кутлубуги, очевидно, управлявшиеся уже их преемниками.

История названных татарских владений рассматриваемого периода могла быть связана прочно только с Молдавией, две части которой («Нижняя страна» и «Бессарабия») обнаруживают генетическую связь с периодом ордынской истории края. В этом плане огромный интерес представляет один тип серебряных и медных молдавских монет, известных теперь всего лишь по двум экземплярам. На лицевой стороне монет отчеканен герб Молдавии в виде головы тура, а на оборотной — тамгообразный знак,

свойственный золотоордынским правителям. Серебряная монета из частной румынской коллекции условно отнесена к эмиссиям полугрошей Александра Доброго (Luchian, Vuzdugan, Orpescu 1977: 64). Несколько больше можно сказать о медном полугроше с серебряной амальгамой. Монета происходит из клада, найденного в 1931 г. в Бистрице (ком. Хинова, жуд. Мехединць). Самыми младшими экземплярами из состава тезаврации являются дукаты Мирчи Старого, выпущенные в 1415-1418 гг. Соответственно около этого времени, но не ранее 1400 г., отчеканен и полугрош молдавского господаря с тамгой (Stinga 1992: 133-136). Данный гибридный монетный тип отражает период освоения Молдавией одной из ордынских структур, сохранявшую какое-то время автономию, но уже признавшую верховную власть молдавского господаря. Можно думать, что это было ордынское владение, связанное с Килией. Этот город имел богатые традиции товарно-денежных отношений, вероятно, чеканки собственной монеты, а в состав Молдавии вошел только в 1408-1412 гг. (Параска 1980: 82. См. также Iliescu 1971: 261-266).

Косвенное указание на улус Дмитрия, по всей видимости, содержится в рукописном немецком гербовнике конца XV в. Он составлен на основе информации из «Хроники» Ульриха Рихенталя, описавшего в 1420-1430 гг. события Констанцского собора. Под болгарскими гербами с изображениями львов имеется надпись, содержащая следующий пассаж: *«Царь Болгарии, который должен иметь также одного представителя от Орды» (Der Kayser von Bulgarien der mus och ainen haben zu vicarien von Ordo)*. Болгарским царем, очевидно, именуется сын Ивана Шишмана, Фрунжин, долго служивший венгерскому королю Сигизмунду Люксембургу (Бегунов 1974: 61-62). На него рассчитывали католические правители при организации борьбы с османами. Но о каком подчиненном ему татарском улусе может идти речь, если он и сам не имел реального владения? Противоречие можно снять просто, вспомнив о зоне интересов Венгрии на юго-западе Молдавии, куда простиралась «земля Деметрия». Коль скоро этот «принцес» был христианином, то становится понятным, почему он или его потомки должны были иметь представителей на Констанцском соборе. Фрунжину же эти земли, которые, вероятно, еще предстояло завоевать, могли быть пожалованы венгерским королем. Так создавались предпосылки для нового крестового похода через Дунай на османов, а заодно и присоединения к королевству земель, на которые оно давно претендовало. Учитывая, что всего несколькими годами прежде в 1412 г. Венгрия заключила с Польшей тайный договор о разделе Молдавии, получив по нему и указанные территории, вместе с Килией (см.: Параска 1980: 82), ничего удивительного в такой акции нет. Тут важ-

но, что отторгать у Молдавии часть ее владений предполагалось с помощью тех же ордынцев, очевидно, недовольных тем режимом, который устанавливала Сучава. Как можно убедиться, инкорпорация татарских улусов степного юга происходило болезненно.

Вероятно, одно из последних свидетельств о взаимоотношениях с ордынцами в пределах территории Молдавского государства XV в. содержится в привилее Стефана Великого львовским купцам от 3 июля 1460 г. В документе сказано: «*А тото мыто татарское, што было установлено у Былом городе, а мы тото мыто Ливовчаном отпустили, абы не давали ни пнязя, хоте от тысяча коп, хоте буд там татарскьи царевич, хоте не буд*» (Bogdan 1913: 274-275). Содержание грамоты указывает на

то, что данное установление направлено против белгородцев, неоднократно проявлявших своеволие и независимость от властей Сучавы. Судя по всему, для противопоставления себя центральной власти они пытались использовать какого-то «царевича» (вероятно, перевод титула «эмир») из ордынцев окрестных степей. Он мог быть выходцем с правобережья Днестра и, с гораздо меньшей долей вероятности, с немолдавского левого берега. Однако в обоих случаях этот степной владетель являлся каким-то наследником известных уже Кутлубуги и Хачибея. Однако в отношениях с татарами Молдавия, начиная с последней трети XIV в. действует как активная сторона, стремящаяся освоить владения ослабевших ордынских эмиров Карпато-Днестровского ареала.

5. Прорыв на Нижний Дунай

Переломное в истории Европы XIV столетие поначалу проходило для нижнедунайских земель под знаком прочно установившегося влияния Золотой Орды, Второго Болгарского царства и Генуи. Однако во второй половине XIV в. стали четче обозначаться новые очертания региональной политической ситуации. В рассматриваемом географическом ареале появились Венгрия, Валахия, Молдавия, Каварнский деспотат, Литва, Турция, что сопровождалось острым соперничеством за право быть хозяином положения. Применив известное определение реалий Монгольской империи XIII-XIV вв. (см. Конрад 1972: 96), можно утверждать: культурно-историческое развитие Нижнего Подунавья должно изучаться как явление, принадлежащее и Востоку, и Западу. Поскольку место Молдавии в системе политических координат Юго-Восточной Европы на исходе XIV в. изучено недостаточно (Параска 1981; Paracostea 1973), обращение к теме актуально, несмотря на ограниченный круг источников.

Имеющиеся материалы ясно показывают, что стратегическая инициатива на левобережье Дуная примерно с середины XIV в. постепенно переходит к Венгрии. Веские претензии королевства на господство в районе Нижнего Дуная реализуются посредством настойчивого продвижения через Трансильванию и далее по линии Брашов-Брэила. Между Карпатами и Дунаем венгры при поддержке папства восстанавливают существовавшую некогда в землях куманов и уничтоженную ордынцами Милковскую католическую епископию (DRH.D-I 1977: 45, 63). Установление власти короля наталкивалось на вооруженное сопротивление ордынцев, державших в своих руках территории до самого моря. Недаром разгромленные около 1345 г. отряды Атламоша бежали в приморские степи «*к другим татарам*» — *ad partes maritimas longe diftantes ad alios tartaros fugerunt* (Chronica 1973: 106). Тем не менее Венгрия закрепляется у Ду-

ная, и уже в 1358 г. король Людовик I (1342-1382) дал право на свободный провоз товаров купцам из Брашова через междуречье Буззу и Прахова (DRH.D-I: 72).

Эти действия не могли оставить беспристрастным наблюдателем Геную, первоначально которой в черноморско-средиземноморской торговле раз за разом оспаривала Венеция. Так, венецианцы не преминули вклиниться в партнерские отношения своих противников с золотоордынскими властителями, что отразилось и на положении в устьях Дуная. Представители Генуэзской республики были вытеснены ордынцами из Вичины, до того главной итальянской колонии на Дунае. Закономерно в такой ситуации союзником Генуи становилось Венгерское королевство, борющееся за далматинские города с Венецией и за Подунавье с Ордой. Заключенный в 1352 г. венгерско-генуэзский союз способствовал успеху Людовика I в войне с венецианцами в 1356-1358 гг. и восстановлению генуэзского господства в дунайской дельте — район Ликостомо — Килия (ИВ-1 1971:185; Тодорова 1981: 224-227, 236-237).

В перераспределении сфер влияния на Дунае раздираемая внутренними противоречиями и занятая изнуряющей борьбой с османами Болгария не участвовала. Вместе с тем ни одно из государств региона не собиралось уступать свои позиции добровольно. Перемещение центра деятельности Генуи ближе к устьям Дуная сильно урезало возможности Каварнского деспотата, поэтому Добротица вел активные действия против итальянского присутствия здесь уже в октябре 1360 г. (Balard 1980: 164). Годом ранее отмечено вмешательство в события на Дунае Валашского государства: при активном содействии господаря последний митрополит Вичины перебрался в Куртя де Арджеш, став высшим православным иерархом страны. Вичинская митрополия прекратила свое существование (DIR.B 1953: 13-16). Очевидно, что назван-

ные акции православных правителей находят­ся в прямой зависимости от крена нижедун­айской политической обстановки в пользу като­лических государств.

Дальнейшая эволюция ситуации в крае ха­рактеризуется двумя грамотами 1368 г. В одной из них валашский владетель Владислав (1364-1377), упорядочивая таможенную пошлину, де­лает исключение лишь для брзильского направ­ления, которое вело за границу. При этом он дей­ствует только как вассал Венгрии, ссылаясь на своего сюзерена — Людовика I (DRH.D-I: 90). В другом документе, составленном от имени вен­герского короля, говорится о праве свободной торговли для брашовян и купцов татарского кня­зя Деметрия (DRH.D-I 1977: 78). Территориаль­ное разграничение, предусмотренное для всех сторон, очевидно. Между Валахией и Венгрией пограничным был, по всей вероятности, порт Брзила. Об определенности владений татарско­го князя свидетельствует фраза: «*в земле гос­подина Деметрия*». Как сказано выше, эта «зем­ля» вплотную подходила к валашско-венгерско­му пограничью с востока и юго-востока. Тогда же в титуле венгерского короля вновь, как и в первой половине XIII в., фигурирует «Кумания», локализуемая где-то в районе впадения Сирета в Дунай (DRH.D-I 1977: 69, 73, 75, 78, 80). Таким образом, если власть татар в Подунавье сохраняется и к концу 60-х гг. XIV в., а Валахия продолжает здесь реализацию своих внешне­политических устремлений, то только в силу договоренностей с венгерской короной, признав­ших ее доминирующее положение.

Что касается Генуи, то она сохраняла свою провенгерскую ориентацию, ведь вопрос о со­крушении Республики Св. Марка все еще не был решен, а Людовик I добился большего могущест­ва, заняв в 1370 г. и польский трон. Не удиви­тельно, что в очередной венгерско-венецианс­кой войне 1378-1381 гг. Республика Св. Георгия вновь выступила как союзник королевства. Эта поддержка была оплачена в июне 1379 г., когда генуэзцы получили широкие торговые привиле­гии на реке и на суше — вверх по Дунаю до Оршовы и далее посуху до Буды (ИВ-I 1971: 185-186; Eskipasy 1981: 2057). С другой стороны, военные действия против Генуи продолжал Доб­ротица. Вспыхивая после недолгих затиший с новой силой, война длилась до 1387 г., когда деспота уже не было в живых и к власти при­шел его сын Иванко (Тодорова 1982: 111-118). Казалось бы, никакой альтернативы католичес­кому венгерско-генуэзскому господству не оста­валось. Однако вскоре выяснилось, что это не вполне соответствует действительности.

Олицетворением мощи, способной всерьез изменить ситуацию в низовьях Дуная, стало с 60-х гг. XIV Великое Литовское княжество. Когда князь Ольгерд (1345-1377) в 1362/1363 г. разбил объединенные войска крупных ордын­ских феодалов Хаджи-бея, Кутлугуги и Димит-

рия, господство татаро-монголов в Подолье и Северо-Западном Причерноморье пошатну­лось. По некоторым данным, Литве удалось распространить свои владения вплоть до моря — «Белобережия» (ПСРЛ-11 1965: 2). Выйдя на авансцену региональной истории, литовс­кие князья быстро стали центром притяжения симпатий антивенгерски и антикатолически на­строенных правителей.

Как раз с Литвой связаны первые сообще­ния об участии молодого Молдавского государ­ства в делах юга Дунайско-Днестровских зем­ель. Речь идет о слабо изученном правлении в Молдове Юрия — одного из братьев Кориато­вичей, племянников Ольгерда, которым после событий 1362/1363 гг. на «Синей воде» было по­жаловано Подолье (см. Войтович 1996: 106-115). По данным летописей, «*Князя Юрия Волохове взяли его себе воеводой и тамо окормили*» (ПСРЛ-35 1980: 66 и др.). Призвание и убий­ство Юрия Кориатовича датируют обычно 1374-1377 гг. Из информации источников сле­дует, что события происходили на территориях, тяготеющих к приморскому побережью в низо­вьях Дуная и Днестра. В различных текстах упо­минаются Белгород, Бырлад, Васлуй, сражения с татарами, в том числе поход литовцев «*на Темиреза*» или «*Темеря*», в котором порой видят Дмитрия — участника битвы с Ольгердом и владельца улуса в Подунавье (ПСРЛ-11 1965: 21; ПСРЛ-15 1922: стб. 106; ОВИМК 1987: 20). К сожалению, научно не доказана аутентичность всех учтенных нами документов, но несомнен­но, что их сведения не противоречат, а лишь дополняют друг друга.

Приход к власти в Молдавии литовского кня­зя вполне объясним и с точки зрения общего контекста событий. В условиях едва ли не пол­ного диктата в Карпато-Дунайских землях ко­роля Венгрии и Польши Людовика I молдавс­кий господарь Лацко (наследник Богдана I), правивший в начале 70-х гг., не смог противо­стоять давлению извне. Он едва балансиро­вал между признанием венгерского сюзерен­итета и перспективой окатоличивания стра­ны (ОВИМК 1987: 17-19). В то же время Литва стала претендовать на превращение в оплот православия, являясь единственным реаль­ным противовесом венгерско-польскому на­тиску. Поэтому и вокняжение, и убийство Юрия Кориатовича понятны, если «*волохове взяли его себе*», чтобы противопоставить Лацко. Когда в 1377 г. Ольгерд умер и преимущество перешло на сторону Людовика I, а Кориатови­чи вместе с другими литовскими князьями при­сягнули королю, Юрий был отравлен.

Знаменательно, что владения Юрия также локализируются на юго-востоке средневековой Молдавии, слабо интегрированном в единое це­лое с Восточным Прикарпатьем. Вероятно, ре­ализация претензий на бывший татарский улус Дмитрия («*Нижнюю страну*») рассматривалась

в некоторых кругах как законная акция. Исходя из феодального права, это событие прямо вытекало из военного успеха, определившего судьбу власти в Подолии, где братья Кориатовичи заменили Дмитрия с «братьями». Успехи Литвы в Причерноморье неминуемо вели к распространению ее влияния до Дуная, поскольку литовские князья пытались консолидировать вокруг себя суверенный потенциал православных стран — Молдовы, Валахии и даже болгарских земель с Византией. Это подрывало могущество татар и венгров, с которыми и произошли наиболее жестокие столкновения. Не удивительно, что, подчиняя себе дунайско-днестровский юг, Юрий Кориатович нашел поддержку феодальной оппозиции молдавскому господарю Лацко.

С литовскими победами следует связать и быстрый отход Валахии от Венгрии, а также активизацию боевых операций Добротицы против генуэзцев в устьях Дуная. Не случайно в одном итальянском документе сентября 1374 г. деспот назван «злым и жестоким врагом коммуны Генуя и всех генуэзцев» (Balbi, Raiteri 1973: 208). Впрочем, в итоге верх одержали Венгрия, Республика Св. Георгия и Орда. В 1377 г. Людовик сумел не только добиться покорности литовцев, но и намеревался вернуть под свою руку Валахию (DRH.D-I 1977: 111), а известный Мамай объединил «почти все ордынские улусы к западу от Волги», обложив данью население подвластных Литве районов, включая и Подолье (Шабунько 1987: 105). В тот же период Генуя создает важную для обороны Дуная с моря островную крепость Ликостомо (Balbi, Raiteri 1973: 197, 201, 205 etc.). Однако реставрация венгерского господства на Нижнем Дунае была неполной. Отстранить Валахию от участия в жизни края и подчинить ее Людовику I так и не удалось. Это вызвало жесткую торговую блокаду со стороны венгров, которую отмечают документы 1382 и 1384 гг. (DRH.D-I 1977: 113, 117).

В 80-е гг. XIV в. произошли новые перемены в низовьях Дуная. В книге учета выплат и поступлений Каффы 2 мая и 14 августа 1386 г. зафиксирована отправка двух посланцев к Маокастро (Белгороду). Им было предписано прибыть к «Константину и Петру воеводе», то есть к господарю Молдовы Петру Мушату (1377-1391) и, по всей видимости, к автономному правителю приднестровского юга, административным центром которого был Маокастро. Цель каффских посольств заключалась, вероятно, в установлении отношений, обеспечивающих нормальную торговлю итальянцев в крае (Параска 1981: 109-110; Paracostea 1973: 55-58). Необходимость договора назрела из-за нарушения прежних связей вследствие войны генуэзцев с ордынцами и утраты монголами господствующих позиций на северо-западе степного Причерноморья, где главными фигурами стали Константин и Петр.

Независимо от того, кого представлял Константин, его деятельность однозначно относится к Белгороду, в котором итальянцы имели давние коммерческие интересы. Однако возможности тесно связанной с морем торговли Каффы в землях Петра Мушата были ограничены, если не допускать мысли о выходе границ Молдавии в низовья Дуная. В всяком случае, молдаване являлись соперником ордынцев, а также потенциальным союзником и торговым партнером Каффы, о чем и говорит источник.

На самом деле после смерти Людовика I Венгрия пережила тяжелейший кризис. В сложном положении находились Польша и Литва. Нестроение в соседних больших державах обеспечило возможности Молдавии в расширении своих пределов. Когда Венгерское королевство вновь окрепло и посягнуло на молдавскую независимость, Петр Мушат предпочел в 1387 г. стать вассалом польского короля Владислава Ягайло (1386-1434) (Грамоты 1974: 79-81; Costachescu 1931: 599-606; Ciobanu 1985: 16-18). Более того, при посредничестве молдавского господаря в 1390-1391 гг. аналогичное соглашение с Владиславом Ягайло заключил и Мирча Старый (1386-1418) (DRH.D-I 1977: 122, 125-126). Эти договоры с четко выраженной антивенгерской направленностью демонстрируют близкие интересы Молдавии с Валахией на Нижнем Дунае. Как раз здесь на их пути постоянно становилась Венгрия, и здесь Петр Мушат с Мирчей Старым могли выступить единым фронтом. О валашско-молдавской границе на Дунае можно судить по хрисовулу Мирчи, который около 1390 г. дал львовским купцам право свободной торговли в валашских землях, в том числе по дунайским бродам, «почавше от Железных врат дори до самого Браилова» (Грамоты 1974: 104-106). Стало быть, входившие в приморскую зону территории Придунавья ниже Брэилы были подчинены Петру Мушату. Это положение, судя по всему, признавал молдавско-польский договор 1387 г. В отличие от Венгрии, польская корона прямо на эти земли не претендовала, но проявляла заинтересованность в свободном доступе к ним. По этой причине для обеих сторон, подписавших акт, зафиксированные отношения были взаимовыгодными. Договор заложил правовую основу длительным вассально-сюзеренитетным отношениям Молдавии с Польским королевством.

Мои утверждения о проникновении Молдавии при Петре Мушате в зону дунайской дельты находят подтверждение и в монетных находках. В низовьях Дуная отмечено довольно много случаев находок денег Петра-воеводы, единичных и в составе кладов (Iliescu 1990: 651, 653-654; Vetran, Custurea 1988-1989: 381, 383). Их плотность в зоне уступает таковой только в Восточном Прикарпатье и многократно превышает эти показатели по другим областям страны. Любопытно, что монеты другого молдавского гос-

подаря конца XIV в. Стефана I (1394-1399) на Нижнем Дунае не обнаружены. Это позволяет говорить о недолговечности политического и экономического присутствия Молдавии в регионе, которое уже во второй половине 90-х гг. XIV в. было ликвидировано.

После Петра Мушата молдавский престол занимал господарь Роман (1391-1394). Он не выпускал денег от своего имени, хотя, может быть, продолжал чеканку введенных его предшественником типов (Ilieşcu 1958: 458). Однако, если в организации денежного хозяйства Роман и мог сохранять заложенные братом традиции, то этого нельзя сказать о стиле его внешнеполитической деятельности. Роман в 1392-1393 гг. с явным вызовом могучим соседям величал себя самодержавным властителем Земли Молдавской от гор до моря. Тем самым не только «высвечивались» пределы господарского суверенитета, установленные Петром Мушатом, но и отвергался какой-либо сюзеренитет. Воспользовавшись успехами литовского князя Витовта (1392-1430) в борьбе с Польшей, Роман выступил против Владислава Ягайло. Однако уже в начале 1393 г. он вынужден был присягнуть польскому королю. Впрочем, вскоре молдавский правитель поддержал подольского князя Федора Кориатовича в войне против объединившихся Владислава Ягайло и Витовта. Когда же Федор попросил помощи у венгерского короля Сигизмунда (1387-1437), перед Молдавским государством вновь маячила опасность восстановления господства Венгрии. Это не случилось по причине победы Витовта, но Роман лишился трона, а к власти Литва и Польша привели своего ставленника — Стефана I (Грамоты 1974: 109, 120-121; Costăchescu 1931: 607-609; DRH.A-I 1975: 3-6; Шабунько 1987: 139-140).

Крушение честолюбивых замыслов Романа открывало путь венгерской экспансии в низовьях Дуная. Свою роль в этом сыграла и достигшая территорий Дунайского левобережья агрессия османов. После сражения на Косовом поле (1389 г.) турки впервые совершили рейды за Дунай: сначала в подчиненный венграм Банат, а в 1391 г. в Валахию. Только завоевание Подунавья давало бы Сигизмунду в условиях нависшей над ним смертельной угрозы стратегически выигрышные позиции. Однако для этого он должен был вернуть в фарватер внешней политики королевства Валашское и Молдавское государство.

Падение под ударами турок в 1393 г. Тырновской Болгарии вплотную приблизило рубежи османских владений к землям Мирчи Старого, что предопределило сближение господаря с королем Венгрии. События 1394 г. и битва при Ровине окончательным сориентировали Валахию на союз с Сигизмундом. Вместе с тем, готовые идти на сговор с завоевателями группировки знати выдвинули на престол боярина Влада (1394-1397). По данным Болгарской аноним-

ной хроники XV вв., тогда вторгшийся было в валашские земли султан Баязид I (1389-1402) отступил, поставив по дунайским бродам стражу (Тютюнджиев, Павлов 1993: 43). Путь к морю был отрезан для всех стран дунайского левобережья: теперь через Добруджу могли передвигаться разве что люди проосмански ориентированного Влада Узурпатора.

Примечательно, что 6 января 1395 г. новый господарь Молдавии Стефан I принес клятву Владиславу Ягайло «*противу кроля Оугорского, противу воеводы Басарабьского, противу турок...*» (Грамоты 1974: 126-128). Совершенно ясно, что интересы перечисленных сторон сталкивались на Нижнем Дунае, а сучавский правитель, имевший за спиной могучего сюзерена, вовсе не собирался отказываться от прав на приморские земли. Все надежды на реализацию этих планов перечеркнула экспедиция Сигизмунда начала 1395 г. в район молдавской крепости Нямц.

Вынудив Стефана I признать свое поражение, но затем едва избежав полного разгрома на обратном пути из Молдавии, венгерский король не упустил инициативы в борьбе за придунайские земли. В этом плане поход через Карпаты имел для Венгрии положительные результаты. Об удаче свидетельствует предоставление льгот за услуги в молдавской кампании торговцам Брашова — трансильванского города, в котором Сигизмунд пребывал уже в феврале 1395 г. Привилегии распространялись и на район Нижнего Подунавья. В Брашове 7 марта состоялось и заключение антитурецкого договора с Мирчей Старым. В его тексте упоминалась опасность, исходившая тогда из земель Добротицы. В тот же день были подтверждены грамоты Людовика I 1358 и 1377 гг. о правах брашовян в валашской и нижнедунайской торговле. Похоже, что Венгрия едва поспевала контролировать стремительный ход событий. Во всяком случае, 11 марта короля еще заботил незаконный вывоз товаров из Валахии, а 6 апреля он приказал своим войскам выступить в валашские земли для борьбы с турками (DRH. D-I: 130-131, 134-143, 145-147, 149-150).

Трагическая развязка последовала через год, когда Сигизмунд возглавил поход на османов. Никопольской катастрофе, постигшей разношерстное крестоносное воинство в конце сентября 1396 г., предшествовало шествие по придунайским районам, население которых выступило в поддержку христианской армии. Даже после победы Баязиду I далеко не сразу удалось вернуть под свою власть отвергшие господство османов земли. По свидетельству венесианского документа от 27 января 1397 г., спасаясь бегством на галере, венгерский король побывал в дунайском Ликостоме и Калиакре (см. Гюзелев 1973: 128), которые в конце 1396 г., надо понимать, не были в руках турок. Сопоставимые материалы имеются в записках Иоганна

Шильтбергера. По его данным, южнее дунайской дельты тогда располагалась территория «*третьей Болгарии*», соответствующей деспотату Добротицы. Сведения баварского рыцаря не очень конкретны, но в них как некий рубежный пункт упоминается порт Брэила, а также придунайские государства — «*Большая Валахия*» и «*Малая Валахия*» (Шильтбергер 1984: 37, 137). Принимая во внимание историческую географию начала 90-х гг. XIV в., можно полагать, что Подунавье и позднее находилось в сфере влияния Валахии и Молдавии (или они хотя бы претендовали на это), а граница между зонами интересов соседей проходила где-то у Брэилы.

По наблюдениям исследователей, к тому же времени следует относить и направление посольств к литовскому князю Витовту, к которому под покровительство просились «*господарь земли Мольдавской и Босарабьская, по власкому языку зоведем воеводы, такожь осподарь той земли Болгарской, по болгарскому языку зовемяя деиспоты*» (ПСРЛ-35 1980: 59). Цель этих миссий, очевидно, состояла в поиске союзника для отражения агрессии турок. Происходило объединение православных сил. Скорее всего, это сближение стало возможным благодаря усилиям молдавского господаря, который способствовал и установлению союзнических отношений пережившего ориентира Влада с Польшей (Сюбану 1985: 23). Благоприятное воздействие оказал наметившийся осенью 1396 г. альянс Польского королевства, Литовского княжества и Московского государства. Эти тесные связи, освященные митрополитом болгарского происхождения Киприаном, нашли документальное воплощение в знаменитом «Списке русских городов, дальних и ближних». В тексте памятника внимание привлекает сдвоенность рубрики, под которой помещены болгарские и «*волоский гради*». Не исключено, что в отступлении от принятой составителями нормы нужно видеть реминисценции первой трети XIV в. (НПЛ 1950: 475; Шабульдо 1987: 114; Руссев 1990: 34-35). Однако изучение сюжетов конца XIV в. убеждает, что такой прием мог диктоваться и более поздними реалиями. Ко времени составления «Списка» Молдавия уже имела немалое влияние на Нижнем Дунае, но болгары также считали себя тут законными хозяевами. Составители документа явно пытались сгладить противоречия между союзниками. Однако в дальнейшем претензии обеих сторон так и остались нереализованными.

Неудачи в антитурецкой борьбе не только расстраивали планы государственных деятелей, но и толкали вчерашних врагов к созданию военной коалиции. В январе 1397 г. сам константинопольский патриарх Антоний рекомендовал Владиславу Ягайло заключить обо-

ронительный союз против «*неверных*» с королем Сигизмундом. Одновременно к такому шагу высший «*вселенский*» иерарх склонял и Киприана (Шабульдо 1987: 145). Искусственно, вопреки опыту исторического развития, конструировалась иллюзия возможности прочного общехристианского блока. Склонности политических деятелей (в том числе обличенных в духовный сан) к подобным мероприятиям в условиях критичности момента противостояла складывавшаяся столетиями ментальность. Конфессиональные противоречия и предрассудки были настолько велики, что далее эфемерных соглашений, зачастую пропитанных лицемерием, дело никогда не шло. Перспективным могло быть лишь общеправославное единство, но и эта идея погибла, не дав зримых практических результатов.

На примере Нижнего Подунавья конца XIV в. прекрасно видно, что политическая ситуация и здесь формировалась в условиях «*непрекращающейся перегруппировки сил*, когда ни одна из соперничающих сторон не обладала очевидным превосходством» (Греков 1980: 134). Стремясь удовлетворить собственные интересы, они довольно долго дезориентировали друг друга и своих партнеров, что мешало осознанию масштабов деструктивного воздействия османского фактора. В итоге «*новая восточная волна*», накатившая из Малой Азии, не просто накрыла, но оставила под собой на века едва ли не весь Карпато-Балканский ареал. Границы Азии продвинулись далеко на запад. Однако истинный драматизм происходивших метаморфоз состоял в том, что практически все будущие жертвы завоевания в значительной мере сами создавали предпосылки собственного заклятия. В итоге под ногами не щадившего иноверцев врага оказалась естественная историческая перспектива всего региона. Свою лепту в печальный перелом линии судьбы нижедунайской зоны внесли государства, пережившие тогда упадок и находившиеся на подъеме. Объективную сторону этого процесса можно иллюстрировать многими фактами.

Ф.Броделю принадлежит констатация: «*От краха Византии (имеются в виду результаты IV крестового похода — авт.) выиграли все итальянские города; точно так же выиграли они и от монгольского нашествия, которое после 1240 г. на столетие открыло прямой путь по суше от Черного моря до Китая и Индии*» (Бродель 1992: 106). Если отбросить «*национальную оболочку*» этой формулы, то ее можно истолковать так: от поражения православного мира выиграл католический; как равным образом он выиграл и от торжества язычников-монголов. Нечто подобное случилось и после исламско-османского триумфа над православными народами Юго-Восточной Европы.

6. «Кешенев» как зеркало этнокультурного взаимодействия

Более столетия юго-восточные районы Карпато-Днестровского пространства находились в границах ордынского государства. Джучидские монеты датируют завершение этого периода истории края примерно 1370 г. В последующие два-три десятилетия эти земли постепенно вошли в состав Молдавии. Деятельность властей Сучавы в центральной части Прутско-Днестровского междуречья отмечена впервые лишь в начале XV в. Самой ранней документальной записью об этом может считаться грамота, жалующая Влада Должича пустошью у реки Сэрата. Однако и данное свидетельство относится к 1406 г. с большой долей условности (DRH.A-I: 28-29). Более точной датой является 1408 г., когда господарский привилей львовским купцам засвидетельствовал существование молдавского таможенного пункта на Днестре «*Тягянякячу*» — Тигины, Бендер (ИСН-I 1965: 40-41). Такую хронологию подтверждают молдавские монеты, обнаруженные в ходе изучения городища Старый Орхей. Наиболее ранние из них выпущены от имени Александра I Доброго (1400-1432) (Абызова, Бырня, Нудельман 1982: 63, 69, 91). Поскольку становление государственных территорий Молдавии на востоке сопровождалось вытеснением Золотой Орды, новые процессы в основном пререкли прежнюю направленность социально-политического развития территорий правобережья Нижнего Днестра. По этой причине едва ли можно говорить о преемственности системобразующих структур молдавской государственности от функционировавших в Орде.

Вместе с тем воспринятому Молдавией татарскому «наследству» посвящено немало страниц исторических исследований (например, Stahl 1972: 62). Одна из наиболее интересных проблем в современной историографии — этнокультурная преемственность в ходе общественных преобразований, охвативших центральную часть Прутско-Днестровских земель во второй половине XIV — первой трети XV вв. Показательно, что рассматриваемый регион был наиболее плотно населенным в междуречье Прута и Днестра, как под властью Золотой Орды, так и Молдавии. Здесь сосредотачивалась основная масса сельских поселений XIV-XV вв., локализуемых историками и археологами в пределах территорий современной Молдовы (см. Полевой, Бырня 1974: 8-10, 43-49 и др.). Очевидная дискретность в генезисе государственности в местности, известной под названием «Кодры», оставляет единственный путь для трансляции традиций одной эпохи в другую — посредством передачи опыта между поколениями рядовых обитателей, объединенных в общинно-патриархальные коллективы. Собственно говоря, вопрос целесообразно поста-

вить следующим образом: каковы доказательства сосуществования в Кодрах рассматриваемого периода пришлого с востока разноплеменного оседлого населения и молдаван?

К сожалению, прямых сообщений на этот счет памятники письменности не содержат. Варианты же интерпретации археологических материалов (памятников так называемой балкано-дунайской культуры, типа Ханска-Рэдукэнь, «красно-желтой ленточной керамики») оказываются очень противоречивыми (см. Хынку 1974: 127-150; Бырня, Рафалович 1978: 65-75; Постикэ 1988: 15-16 и др.). На мой взгляд, позитивный результат может принести ретроспективный анализ молдавских поземельных грамот XV в.

Сведения из грамот молдавских господарей и итоги их изучения достаточно четко характеризуют топографию заселенности кодровой зоны в XV в. (Бырня 1969: 32-37 и др.; Полевой 1979: 84-113). Среди объектов, фигурирующих в документах, выделяются села, пустоши, селища, а также монастыри, пасеки, колодцы и т.п. Практически для всех сел, существовавших на данной территории, к моменту первого упоминания отмечены «*старый хотари, куда из века оживали*». Наличие этой формулы позволяет отнести возникновение сел к периоду золотоордынского господства. При этом две трети поселений XV в. имеют молдавские названия и лишь 17 из 54 — славянские. Кроме того, господарские грамоты нередко предоставляют землевладельцам пустоши для основания сел. Из всех районов Молдовы в конце XIV — первой половине XV вв. больше всего таких мест приходится на зону Кодр (41 из 91). В центральной части Прутско-Днестровского междуречья давалась полная свобода в освоении земель новыми селами — свыше 97,5% пустошей, тогда как в других районах страны господарь предпочитал определять хотар — 64% случаев. Регион обладал очень большими резервами освоения, которое шло в XV в. весьма быстро. Наличие тут слабо заселенных лесных массивов подтверждается локализацией в Кодрах более половины упомянутых в молдавских грамотах XV в. пасек. Помимо того, поземельные документы называют ряд заброшенных ко времени их письменной фиксации сел — селищ («селишт»). Считается, что эти пункты, как правило, еще сохранявшие в XV в. прежние названия, обезлюдели около середины XIV в. в связи с действиями ордынцев или против них. В пользу такой трактовки свидетельствует местоположение подавляющего большинства селищ из грамот конца XIV — первой половины XV вв. — 82,8% из них (53 из 64) находились к востоку от Сирета, в местах, где татарское господство было особенно эффективным. Именно факт сосуществования в домолдавский период старых сел кодровой

зоны и населенных пунктов, превратившихся спустя некоторое время в селища, дает хорошую возможность изучения феномена этнокультурной преемственности, начиная от рубежа их хронологического стыка.

Грамоты 1406-1436 гг. зафиксировали в этом ареале пять селищ: «*Тигомирово селиште*» — 1420 г., «*селиште Хегетише*» — 1432-1433 гг., «*Поросьячика*», «*Береза*» и «*татарская селишта*» — 1436 г., а также «*городиште*» — 1420 г. (DRH.A-I: 67, 159, 210, 218). Число селищ в рассматриваемых документах очень незначительно по сравнению с количеством сел. Например, в грамоте от 25 апреля 1420 г. названы десять сел, одно селище и одно городище. Все упомянутые села характеризуются полной формой топонима, на образование которой, по Л.Л.Половатору, требуется в среднем 102 ± 29 года. Следовательно, расчетное время основания этих населенных пунктов — 1289-1347 гг. (Полевой 1979: 12-23 и др.). Судя по названиям, изначально они не были этнически однородными. Явно молдавские топонимы «*Сэкрении*», «*Хомичешти*», «*Миклэушешти*» и др. соседствуют со славянскими — «*Лознова*», «*Садова*», а также прямо указывающим на этнос топонимом «*Цигэнештии*». Если о «*городиште*» из документа трудно сказать что-либо определенное, поскольку имя его утеряно во времени (возможно, оно относилось к доордынскому периоду), то «*Тигомирово селиште*», похоже, вписывается в разряд топонимов со славянской основой. Однако настаивать на этом трудно, поскольку это географическое название можно возводить к разным по происхождению антропонимам: «*Тихомир*» или «*Токтомер*» и т.п. Вместе с тем очевидно славянское происхождение названий «*Поросьячика*» и «*Береза*». Неясность топонима «*селиште Хегетише*», к сожалению, не компенсируется его соседством с новым селом, «*где есть князь Оника*», возникшим 32 ± 16 года тому назад (Полевой 1979: 14), т.е. в конце XIV в, или даже в начале XV в. Зато «*татарская селишта*», упомянутая в контексте сел с переходной и полной формами топонимов, прямо указывает на породившую это название этнокультурную общность. Если ориентироваться на села «*Козаровци*» и «*Мачковци*», возникшие где-то в 1305-1363 гг., то «*татарское*» поселение существовало примерно в то же время.

Образование сел в Кодрах, имевших в первой половине XV в. полную форму топонима, приходится на время ордынского господства и хронологически соответствует археологическим памятникам с «*красно-желтой ленточной керамикой*». Этот тип посуды абсолютно преобладает и на городище Старый Орхей, в его золотоордынском слое (Быря, Руссев 1988: 122-131; они же 1989: 100-108). Более того, раскопки на памятнике Лозово открыли тут не только следы обитания, но и гончарную мастерскую по производству названной посуды, а так-

же небольшой клад джучидских монет, в том числе и местной чеканки, схороненный в начале последней трети XIV в. (Полевой 1969: 29, 75 и др.; его же 1979: Табл. 13; Нудельман 1975: 97-98). Такая керамика встречается и на поселениях с посудой галицкого типа, датируя их существование в Кодрах последней фазой золотоордынской эпохи (Быря 1969а: 91-102).

«*Татарская селишта*» из грамоты Ильяша I и Стефана II, выданной 17 июня 1436 г., находилась на месте, занятом теперь городом Кишиневом. Она называется среди имений логофета Ванчи — «*близь Быку, по той стороне, на долину што падаеть, против Акбашева Кешенева, у Кръници где есть Татарская селишта, против леска*» (DRH.A-I 1975: 218; МЭФ-II 1978: 77). Описание этого района встречается и в более поздних документах, которые представляют интерес в связи с развитием топонимов первоначального текста. Хронологически за процитированной следует грамота Стефана Великого 1466 г., дошедшая до нас в переводе первой половины XVIII в. От пассажа 1436 г. в ней осталась видоизмененная короткая фраза: *la Chişinău, la Fintîna Albişoara* (DRH.A-II 1976: 187). Любопытно, что оригинал более поздней подтверждающей грамоты, выданной в 1517 г. Стефаном IV Младым вистернику Еремии, дает более полные сведения. В документе называется село «*по той стороне Быка, против Албашева лазня, у Великой Кръници*» (МЭФ-II: 233). Грамота 1525 г. того же господаря выдана на «*половина село, по той стороне Бька, против Албашеву лазню, у Великой Кръници, вышняя половина, и со ставом и с млином на Бъце*» (МЭФ-II: 256). Между тем господарские грамоты 1576 и в 1615 гг. упоминают «*едно село на име Кишинеул на Бъку у волост Лапушною и с млици у Бъку*» и «*едно село на име Кишинеул на Бъку в волост Лапушною*» (МЭФ-I 1961: 89; МЭФ-III 1982: 119).

Самое раннее описание содержит наибольшее число географических ориентиров и является единственным сообщением, позволяющим состыковать молдавский период истории края с ордынским. Со временем информативность характеристики данной местности в однородных документах господарской канцелярии постоянно убывала, и до сего дня дожили только два названия: «*Бык*» и «*Кишинев*». При этом отраженные документально топонимические реалии хронологически соответствовали моментам составления грамот. Исключением является перевод акта 1466 г., сделанный в XVIII в., особенности которого нужно учитывать.

Возможность дать историческое толкование топонимического описания района будущего Кишинева не раз привлекала исследователей, однако их усилия, главным образом, сосредотачивались на происхождении и значении названия современной молдавской столицы (О точках зрения на проблему см. Богач 1959: 94-

96; Дмитриев, Драгнев 1960: 6-7; Раевский 1964: 60; История Кишинева 1966: 13-14; Фоменко 1969: 221-224; Еремия 1982: 56, 86). Мне представляется целесообразным проанализировать всю информацию, касающуюся этого места — грамоты 1436, 1466, 1517, 1525 гг. По сути дела, исследование располагает эволюционной цепочкой длиной в 90 лет. Нужно определить, о каких топонимических объектах идет речь, как их следует локализовать и какая пространственная связь между ними, что они обозначали, каким образом изменялись их названия и почему.

Грамота 1436 г. называет несколько объектов, отмечающих местоположение владения логофета Ванчи у реки Бык. По всей видимости, оно находилось на левом берегу реки. В тексте сказано ясно — «*по той стороне, на долину што падает*», т.е. открывается по направлению к реке, меж холмов, на одном из которых возведен комплекс зданий цирка. Выход к Быку этой долины, перекрытый сравнительно недавно насыпной дорогой, обозначен ориентирами рукотворного происхождения — «*против Акбашева Кешенева, у Кръници*». Из контекста разбираемого пассажа можно понять, что «*Акбашев Кешенев*» — наиболее загадочный объект описания — располагался на правом берегу, напротив того места, где слева к реке «падала» долина. Ясно, что упомянутую «*Кръницу*» (колодец) следует искать на левой стороне, поскольку возле нее заканчивалась долина. Вероятно, местонахождение колодца может быть уточнено по отрывку текста, который локализует его там, «*где есть Татарская селишта*» — заброшенное к 1436 г. ордынское селение. Судя по обычной топографии памятников с «красно-желтой ленточной керамикой», его целесообразно помещать где-то на склоне холма, у вершины которого сооружена церковь Св. Константина и Елены. Наконец, обстоятельство «*противь лиска*» удастся удовлетворительно соотнести с местонахождением селища. По всей видимости, они находились на противоположных холмах, причем запустевшее татарское селение располагалось на мысу между рекой Бык и открывающейся к ней слева долине. Локализация ордынского селища будет оставаться условной до тех пор, пока либо подтвердится, либо окажется несостоятельной с позиций археологических. Однако предложенная интерпретация претендует на истинность местоположения других объектов, важных для понимания топонимической картины, а также анализа высказанных в литературе суждений.

Оставляя пока в стороне грамоту 1466 г., обратимся к документам 1517 и 1525 гг. Хотя их топонимическое содержание отличается от предыдущего, основные объекты-ориентиры 1436 г. узнаваемы. Часть «*по той стороне Быка*» имеет практически неизменный вид. Вместо раннего «*против Акбашева Кешенева*» чи-

тается «*против Албашева лазня*» и «*против Албашеву лазню*», а вместо «*у Кръници*» — «*у Великой Кръници*». Играющие центральные роли в локализации владения предлоги пространственного значения и указательное местоимение «*той*» не деформированы. Это объясняется тем, что они долго служили точными показателями местоположения, и подтверждает правильность предложенного выше размещения объектов.

Гораздо сложнее толковать перевод XVIII в. Вероятно, его автор четко не представлял положения владения XV в., а точность в передаче формы наименований и связи слов в описании были для него делом второстепенным. Можно предположить: для переводчика, осмыслявшего топографию почти трехсотлетней давности в соответствии с понятиями своего времени, главным фиксирующим местоположение обстоятельством было название «Кишинеул», единственное, кроме наименования «Бык», дожившее до нового времени. Едва ли топоним *Albișoara* существовал в обиходе современников переводчика, скорее он сконструировал его сам при передаче содержания грамоты XV в. на молдавском языке.

Действительно, сопоставление фразы *la fintina* с подобными из подлинников 1436, 1517 и 1525 гг. дает основания думать, что топоним перевода возник искусственно вследствие искажения оригинального текста 1466 г. В трех других грамотах определения, от которых происходит позднейшее *Albișoara*, не относятся к колодцу. Они говорят о двух различных объектах, один из которых «*Акбашев Кешенев*» или в первой четверти XVI в. «*Албашева лазня*», а другой — «*Кръница*» или «*Великая Кръница*». Очевидно, взяв из одного названия определение «Албашева», а из следующего за ним в порядке перечисления — наименование самого объекта — «Кръница», переводчик XVIII в. и получил новую смысловую конструкцию. В результате вместо фразы типа «*против Акбашева Кешенева, у Кръници*» (документ 1436 г.) появилась другая — *la Chișinău, la Fintina Albișoara*, в которой определение от первого объекта перекочевало ко второму. Впрочем, из перевода грамоты 1466 г., следует, что во время составления утерянного подлинника уже употреблялась новая: не «*Акбашев*», а «*Албашев*», зафиксированная в 1517 и 1535 гг. Исходя из изложенных соображений, фразу из переведенной в XVIII в. грамоты Стефана III Великого предлагаю реконструировать как «*у Албашева Кешенева, у Кръници*». Хотя документ был искажен поздним переводом, сохранились наименования двух главных топографических привязок владения XV в. — «*Албашев Кешенев*» и «*Кръница*». Пространственное отношение между ними не прослеживается, но оно, надо полагать, осталось неизменным по крайней мере в 1436-1525 гг.

В связи с колодцем на левом берегу особенностей затруднений не возникает. По всей вероятности, эта «кръница» в 1436 и 1466 гг. была единственной в данной местности. К 1517 г. положение изменилось. Старая «кръница» получила эпитет «Великая» очевидно, появившийся в употреблении позднее, когда появилась необходимость отличать ее от другой или других подобных сооружений.

Топоним «*Акбашев Кешенев*», связываемый мной с правым берегом реки, многократно находился в центре дискуссий исследователей. Известно несколько этимологических толкований наименования «Кишинев». Наиболее распространенной является точка зрения Г.Ф.Богача, возводящая этот топоним к гипотетическому, ныне не существующему старомолдавскому слову со значением «артезианский колодец; родник, источник», которое, в свою очередь, ведет к латинской основе *pissare*. Далее, отталкиваясь от слова «с легко восстанавливаемой этимологией», ставшего якобы нарицательным для артезианских колодцев, Г.Ф.Богач заключал: «Здесь же, у мощного колодца, предприимчивый Албашев соорудил настоящую баню, снабжаемую водой из артезианского колодца» (Богач 1959: 94-95).

Другой взгляд принадлежит В.Г.Фоменко, предложившему следующую трактовку. Автор строит ее на едином для тюркских языков слове «Кишения» и объясняет топонимы типа «Кишинев», «Кишеньки» производными от названий «древних захоронений — в виде мавзолеев, памятников и надгробий». Термин «Акбашев» он переводит с тюркского как «белоголовый» или «беловерхий», коль скоро сооружение имело вид дома (Фоменко 1969: 221-224). Такие гробницы ордынской эпохи известны по археологическим исследованиям и в Молдавии (Чеботаренко, Бырня 1960: 45-53). Однако погребальные комплексы, как правило, не сооружались в низменных местах на берегах рек.

Имея в распоряжении наименование одного топообъекта в четыре разных момента времени — «Акбашев Кешенев», 1446 г.; «Албашев Кешенев» (?), 1466 г.; «Албашева лазня», 1517 и 1525 гг. — нельзя не видеть, что оба автора правы в некоторых частностях. Не ошибался Г.Ф.Богач, говорившей о бане — «лазне», названной в грамотах первой четверти XVI в. Кстати, восточнее, в низовьях Южного Буга и Днепра в то же время отмечены топонимы типа «Витовтова баня» — *Vitoldinum balneum* (Грушевский 1995: 315). При этом прав В.Г.Фоменко в том, что «Акбашев» или «Албашев» — не фамилия «предпринимателя», а определение со значением «белоголовый». В самом деле, слово «лазня» имеется во многих славянских языках и, в частности украинском, влияние которого улавливается в молдавских грамотах. «Акбаш» по-тюркски означает «Белая голова», но это скорее прозвище, чем имя (см.: Гафуров 1987: 122,

133). Однако для понимания развития названия недостаточно знать значение первой части топонимической пары в самом раннем временном срезе, а второй — в последних. Особенно важно разобраться в том, каковы механизмы и смысловая сущность превращения «Акбаш» в «Албаш», «Кешенев» в «лазня».

Смена одной буквы «к» на «л» можно было бы отнести за счет случайностей, если не обращать внимание на грамоту 30 ноября 1436 г. Между тем среди перечисленных в ней обитателей татарского села Темишешти в устье реки Нямц один холоп-татарин носит имя «*Албаш*» (DRH.A-I 1975: 229). Молдавская среда оказывала влияние на ордынцев, что отразили и их имена. Большинство татар носило не просто христианские, но часто и молдавские имена — «*Оанчул*», «*Тодер*», «*Тома*», «*Штефан*», хотя у некоторых сохранялись татарские — «*Тула*», «*Мамай*» (DRH.A-I 1975: 109, 229, 322). Представляется, что тюркское «*Акбаш*» могло быть некоторым образом переосмыслено молдавским населением, которое, сохраняя в тюркоязычной среде свой язык, понимало и татарские наречия. В этом случае часть имени или прозвища «Ак» со значением «белый» была заменена отчасти созвучным эквивалентом «Алб» (*alb*), тогда как вторая часть — «баш» — осталась в неизменном виде. Таким образом, после частичного перевода возникла промежуточная форма «Алб баш», из-за естественной контаминации оказавшихся рядом двух «б» принявшая близкий к первоначальному вариант звучания: «Албаш».

Семантическое тождество «лазни» XVI в. с «кешеневом» XV в. доказать сложнее, но оно вероятно. «Кешенев» на реке Бык — далеко не единственный в Молдавии. Средневековыми господарскими грамотами зафиксированы еще два таких топонима — на Ботне и Реуте (DRH.A-I 1975: 109, 229, 322), которые хорошо локализируются в местах ордынской оседлости. Несомненно, что и называвшиеся уже «*Митиревы Кишины*» на Днестре (Зосима 1984: 121/299) — наименование того же рода. Надо думать, общего происхождения с ними современный топоним «*Каушаны*» и даже древнее двусоставное название Бендер — «*Тягянякячу*». Во всяком случае, Г.О.Аствацатуров толкует «*кечу*» как родственное «*кечин*», «*кошун*», «*каша*» и др. Среди большого количества значений, найденных им в словаре В.В.Радлова, привлекает внимание «*забор из прутьев, баня*» (Аствацатуров 1997: 26). Показательно, что один известный документально «кешенев» находился на городище Старый Орхей, где у реки раскопаны остатки нескольких больших каменных бань XIV в. — непременно санитарных и общественных сооружений восточных городов (Бырня, Зиливинская 1988: 4-27). Появления оснований для смысловой связи наименований «кешенев» и «лазня», убеждает в правиль-

ности отнесения возникновения топонима к ордынскому периоду истории (см. Фоменко 1969: 221-224; Дрон 1987: 54), когда в Кодрах существовали города Золотой Орды и сельские поселения с «красно-желтой ленточной керамикой». Если в данном контексте попытаться продолжить цепочку взаимозависимых понятий «баня» — «кешенев» — «лазня», то естественно возникнет вопрос о топониме «Лознова» («Лазнова»?), соотносимом с памятником ордынского времени Лозово. Однако, разумеется, тут необходима квалифицированная филологическая экспертиза.

Надо думать, не случайно первые из феодализирующихся Молдавским государством населенные пункты в центре Прутско-Днестровского междуречья находятся в местах существования оседлости ордынского периода и носят, главным образом, полные формы топонимов. Трансформация «Акбаш» в «Албаш» прямо указывает на проживание молдавского населения в районе, занятом в XIV в. ордынцами. Лишь при этом условии население, ставшее тогда хотя бы отчасти двуязычным, могло четко переосмысливать в изменившейся исторической обстановке XV в. прежние собственные имена. Несколько иное превращение претерпело слово «кешенев». Оно вполне осознанно переведено как «лазня», поскольку на берегу реки, очевидно, в действительности находилась баня. Это название, скорее всего взятое из местного говора, исчезло по мере растворения славян в среде молдаван. В итоге за населенным пунктом у р. Бык закрепился куда менее однозначный и со временем потерявший первоначальное содержание топоним «Кишинэу» («Кишинев»).

По всей вероятности, когда власть Молдавии распространилась на эти земли, собственно татар здесь было мало. Зато новая государственность застала в Кодрах не ассимилированное завоевателями восточнороманское и славянское население, а также говоривших по-тюркски, но уже потерявших этническую самобытность людей — потомков смешанного разноплеменного населения, жившего оседло в Золотой Орде. Эта группа сформировалась как нечто единое где-то на востоке южнорусских степей, еще до прихода сюда в XIV в. Из этого контингента, очевидно, и рекрутировались татары-холопы в Молдавии XIV-XV вв. Не этих ли людей называет «мусульманами пленниками» Ибн

Арабшах, рассказывая о судьбе отряда «Карабогдан»? Позднее они стали христианами, но еще долго сохраняли социальную обособленность, отдельные имена, прозвища и другие отметины своего ордынского прошлого. Одну из таких специфических черт наблюдал в Нижней стране Димитрий Кантемир: «Жители округа Фалчиу оснащают молдавскую речь татарскими словами» (Кантемир 1973: 188). Некоторые этнографические особенности того же происхождения встречаются до сих пор у старого населения Кодр, пращуров которого сами принесли «груз ордынского наследия» в жизнь Молдавского государства XV в.

Подводя некоторые итоги, целесообразно подчеркнуть, что существовавшая уже во второй половине XIII в. в Восточном Прикарпатье «Страна валахов и русских» являлась этнополитическим образованием, генетически связанным со средневековым Молдавским государством. Возникновение на Нижнем Дунае крупного политического центра под властью могущественного монгольского военачальника Ногая способствовало оформлению в крае продвинутой в культурно-историческом развитии и в значительной мере обособленной провинции Золотой Орды. Несмотря на изменение внутривосточной обстановки в Улусе Джучи, регион сохранял свои характерные черты и в XIV в. Кочевые степи здесь соседствовали с городами и районами оседлой жизни, соединяя в сложный конгломерат традиции Европы и Азии. С развалом ордынского государства на международную арену вышла Молдавия, достаточно долго интегрировавшаяся в единое историческое пространство «Верхнюю страну», «Нижнюю страну» и «Бессарабию». Огромную важность для успешного развития молдавской государственности имели начало освоения земель между Прутом и Днестром (уже при господаре Богдане) и первый прорыв молдаван на Нижний Дунай (в правление Петра Мушата). Эти приобретения, оказавшиеся тогда кратковременными, происходили на фоне большого этнокультурного разнообразия населения. Средневековые памятники археологии, нумизматики и литературы вполне точно отразили тесное романско-славянско-тюркское взаимодействие, которое и лежит в основе своеобразия цивилизационного облика Молдавии XIII-XV вв.

ЛИТЕРАТУРА.

- Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1981. Древности Старого Орхья. Золотоордынский период. Кишинев.
 Абызова Е.Н., Бырня П.П., Нудельман А.А. 1982. Древности Старого Орхья. Молдавский период. Кишинев.
 Аствацатуров Г. 1997. Бендерская крепость. Бендеры.
 Бегунов Ю.К. 1974. Древний герб Болгарии и «Хро-

- ника Констанцкого собора» Ульриха Рихенталя / Советское славяноведение. № 2. С. 59-63.
 Богач Г.Ф. 1959. Заметки по молдавской топонимике и ономастике // Известия Молдавского филиала АН СССР (за 1957 г). № 12 (45). С. 91-100.
 Бродель Ф. 1992. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV-XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.
 Брун Ф.К. 1880. Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Часть

2. // Записки Новороссийского университета. Т.30. Одесса.
- Бырня П.П. 1966. Карта сельских поселений Молдавии XV века // Проблемы географии Молдавии. Вып. 1. Кишинев. С. 112-119.
- Бырня П.П. 1969. Сельские поселения Молдавии XV-XVII вв. Кишинев.
- Бырня П.П. 1969а. К вопросу о керамике галицкого типа на территории Молдавии // Далекое прошлое Молдавии. Кишинев. С. 91-101.
- Бырня П.П. 1984. Молдавский средневековый город в Днестровско-Прутском междуречье (XV — начало XVI в.). Кишинев.
- Бырня П.П., Зиливинская Э.Д. 1988. Бани Старого Орхея // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев. С. 4-27.
- Бырня П.П., Рафалович И.А. 1978. Проблема местного населения Днестровско-Прутского междуречья X-XII вв. и балкано-дунайская культура // Известия АН Молдавской ССР. Серия общественных наук. № 1. С. 65-75.
- Бырня П.П., Руссев Н.Д. 1988. Гончарный комплекс XIV в. из Старого Орхея // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев. С. 122-131.
- Бырня П.П., Руссев Н.Д. 1989. О неполивной керамике XIV в. из Пруто-Днестровья // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII-XVI веках. Ростов-на-Дону. С. 100-108.
- Быхолец 1966. Хроника Быховца. М.
- Войтович Л. 1996. Удільні князівства Рюриковичів і Гедиміновичів у XII-XVI ст. Історико-генеалогічне дослідження. Львів.
- Гафуров Ф. 1987. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и турков. Словарь. М.
- Гацак В.М., Рикман Э.А. 1977. Легенда о Драгоше и отражение в ней средневековой этнической ситуации в Восточном Прикарпатье // Этническая история и фольклор. М. С. 203-216.
- Гизер С.Н. 1999. Белгородские «казаки» первой половины XVI века // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса. С. 128-130.
- Гошкевич В.И., 1930. Погребения, датированные джукидскими монетами. Из раскопок И.Я. Стемпковского // Вісник Одеської комісії краєзнавства при Українській АН. Секція археологічна. Ч. 4-5. С. 104-111.
- Грамоти 1974. Грамоти XIV ст. Київ.
- Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. 1950. Золотая Орда и ее падение. М.; Л.
- Греков И.Б. 1980. Место Куликовской битвы в политической жизни Восточной Европы XIV в. // Куликовская битва. М. С. 113-141
- Григора 1862. Римская история Никифора Григоры (1204-1341). Т. I. СПб.
- Григора 1983. Никифор Григора. Византийска история // Гръцки извори за българската история. Т. XI. София. С. 122-193.
- Грушевський М. 1995. Історія України-Руси. Т. VI. Київ.
- Гумилев Л.Н. 1989. Древняя Русь и Великая степь. М.
- Гюзелев В. 1973. Средневековна крепост Калиакра през XIII — средата на XV в. // Известия на Народния музей — Варна. Кн. IX (XXIV). С. 113-138.
- Гюзелев В. 1995. Очерци върху историята на Българския североизток и Черноморието (края на XII — началото на XV век). София.
- Димитров Б. 1984. България в средновековна картография XIV-XVII век. София.
- Дмитриев П.Г., Драгнев Д.М. 1960. К вопросу о происхождении названия города Кишинева и первых упоминаниях о нем // Тезисы докладов II конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев. С. 6-7.
- Добролюбский А.О. 1982. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев. С. 28-39.
- Добролюбский А.О. 1984. Древности средневековых кочевников в Нижнем Поднестровье (материалы раскопок И.Я.Стемпковского) // Курганы в зонах новостроек Молдавии. Кишинев. С. 155-173.
- Добролюбский А.О. 1986. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев.
- Добролюбский А.О., Дзиговский А.Н. 1981. Памятники кочевников IX-XIV вв. на западе причерноморских степей (материалы к археологической карте) // Памятники древних культур Северо-Западного Причерноморья. Киев. С. 134-144.
- Дрон И.В. 1983. К вопросу о периодизации тюркско-молдавских взаимосвязей // Славяно-молдавские связи и ранние этапы этнической истории молдаван. Кишинев. С. 98-114.
- Дрон И.В. 1987. Гидронимы гагаузов Молдавской ССР (субстраты «золотоордынский» и буджакско-ногайский) // Советская тюркология. № 2. С. 52-61.
- Егоров В.Л. 1985. Историческая география Золотой Орды. М.
- Еремия А.И. 1982. Географические названия рассказывают. Кишинев.
- Закиров С. 1966. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М.
- Златарски В. 1972. История на Българската държава през средните векове. Т.Ш. София.
- Зосима. 1984. Хожение Зосимы в Царьград, Афон и Палестины // Книга хожений. Записки русских путешественников XI-XV вв. М. С. 120-136 / 298-315.
- ИБ-З 1982. История на България. Т. 3: Втора българска държава. София.
- ИВ-1 1971. История Венгрии. Т. I. М.
- ИК 1966. История Кишинева. Кишинев.
- ИМ-1 1987. История Молдавской ССР. Кишинев.
- ИСН-1 1965. Исторические связи народов СССР и Румынии XV-XVIII вв. Т. I (1408-1632). М.
- Кантакузин Й. 1980. История // Гръцки извори за българската история. Т. X. София. С. 218-296.
- Кантемир Д. 1973. Описание Молдавии. Кишинев.
- Князький И.О. 1980. О половецких епископиях в Карпато-Дунайских землях // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.) Кишинев. С. 244-251.
- Коновалова И.Г. 1983. Итальянские навигационные пособия XIII-XIV вв. как источник по истории и исторической географии Северо-западного Причерноморья // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. С. 35-50.
- Коновалова И.Г. 1991. Арабские источники XII—XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1990 год. М. С. 5-115.
- Коновалова И.Г., Руссев Н.Д. 1988. О политическом положении региона днестровско-дунайских степей в первой трети XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. Кишинев. С. 33-45.
- Конрад Н.И. 1972. Восток и Запад. Статьи. М.

- Коран. 1990. М.
- Кравченко А.А. 1975. Ремесленное производство золотоордынского Белгорода // 150 лет Одесскому археологическому музею АН УССР. Тезисы докладов юбилейной конференции. Киев. С. 176-178.
- Кравченко А.А. 1986. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII -XIV вв.). Киев.
- Крип'якевич І.П. 1984. Галицько-Волинське князівство. Київ.
- Левченко М.В. 1956. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.
- Леженде 1975. Леженде, традиций ши повестирь орале молдовенешть. Кишинэу.
- МЭФ I-III 1961, 1978, 1982. // Молдавия в эпоху феодализма. Кишинев. Т.I: Славяно-молдавские грамоты (XV — первая четверть XVII вв.); Т.II: Славяно-молдавские грамоты XV-XVI вв.; Т.III: Славяно-молдавские грамоты (1601-1640).
- Нешири М. 1984. Огледало на света. История на османския двор. София.
- НПЛ 1950. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.
- Новосельцев А.П. 1989. Некоторые аспекты развития мусульманской историографии средних веков // Всемирная история и Восток. М. С. 222-230.
- Нудельман А.А. 1975. К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV — начале XVI вв. (по материалам кладов) // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 94-124.
- ОВИМК 1987. Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV — начало XIX в.). Кишинев.
- Павлов Пл. 1989. България, «Златната орда» и куманите (1242 — около 1274) // Векове. Кн. 2. София. С. 24-33.
- Параска П.Ф. 1972. Золотая Орда и образование Молдавского феодального государства // Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев. С. 175-190.
- Параска П.Ф. 1975. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образование Молдавского феодального государства // Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев. С. 33-52.
- Параска П.Ф. 1980. Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. // Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.) Кишинев. С. 62-87.
- Параска П.Ф. 1981. Внешнеполитические условия образования Молдавского феодального государства. Кишинев.
- Пахимер 1862. Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб.
- Пахимер Г. 1980. Михаил Палеолог. Андроник Палеолог // Гръцки извори за българската история. Т. X. София. С. 149-217.
- Петрунь Ф.О. 1928. Нове про татарську старовину Бозько-Дністрянського степу // Східній світ. № 6. С. 155-171.
- Петрушевский И.П. 1952. Рашид-ад-дин и его исторический труд // Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1. М.; Л. С. 7-37.
- Писма. 1981. Писма на папа Инокентий IV // Латински извори за българската история. Т. IV. София. С. 82-104.
- Полевой Л.Л. 1964. Об одной из групп керамики на поселениях XIV в. в Пруто-Днестровском междуречье // Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев. С. 182-196.
- Полевой Л.Л. 1969. Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в. По материалам раскопок гончарного квартала на поселении Костешты. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1972. Зарождение денежного хозяйства Молдавского феодального государства (XIV в.) // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев. С. 6-38.
- Полевой Л.Л. 1979. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XIV вв. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1985. Раннефеодальная Молдавия. Кишинев.
- Полевой Л.Л. 1990. «...И с того времени началась Земля Молдавская». Кишинев.
- Полевой Л.Л., Бырня П.П. 1974. Средневековые памятники XIV-XVII вв. // Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 7. Кишинев.
- ПСРЛ. // Полное собрание русских летописей: Т. 10-11. Патриаршая или Никоновская летопись. М. 1965; Т.15. Вып.1. Рогожский летописец. Петроград. 1922; Т. 32. Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца. Летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного. М. 1975; Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М. 1980.
- Постикэ Г.И. 1988. Глиняная посуда центральной части Молдавии конца I — начала II тысячелетия н.э. как исторический источник. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.
- Путешествия. 1957. Путешествия в восточные страны Платона Карпини и Рубрика. М.
- Раевский Н. 1964. Топониме де орижине ираникэ ши турчикэ // Лимба ши литература молдовеняска. № 1. С. 56-60.
- Рашид-ад-дин. 1960. Сборник летописей. Т. II. М.; Л.
- Руссов Н.Д. 1990. Этнический и конфессиональный состав населения Белгорода (Четатя Албэ) золотоордынского периода // Молдавский исторический журнал. № 4. С. 29-37.
- Рябой Т.Ф. 1993. Шехр-ал-Джедид — золотоордынский город Днестровско-Прутского междуречья. Автореферат ... канд. ист. наук. М.
- Севортян Э.В. 1974. Этимологический словарь тюркских языков. М.
- СМЛ 1976. Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М.
- Спасский И.Г. 1957. Русская монетная система. М.
- Теодору Д. 1961. Раннефеодальный клад украшений, найденный в Войнешти (Яссы) // Dacia. T. V. P. 503-520
- Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. СПб. 1884; Т. 2: Извлечения из персидских сочинений. М.; Л. 1941.
- Тимошук Б. 1969. Північна Буковина — земля слов'янська. Ужгород.
- Тодорова Е. 1981. Вичина, Килия и Ликостомо // Български средновековни градове и крепости. Т. 1: Градове и крепости по Дунав и Черно море. Варна. С. 217-243.
- Тодорова Е. 1982. Отношения на Добрутица с генуезците // Средновековна България и Черноморие-то. Варна. С.111-118.
- Тютюнджиев И., Павлов Пл. 1993. Българска държава и османската експанзия (1369-1422 гг.). Велико Търново.
- Уреке Г. 1971. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу.

- Федоров Г.Б., Полевой Л.Л. 1973. Археология Румынии. М.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1965. Города и кочевые степи в Золотой Орде в XIII веке // Вестник МГУ. История. № 6. С. 49-57.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1973. Общественный строй Золотой Орды. М.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1974. Находки кладов золотоордынских монет // Города Поволжья в средние века. М. С. 176-182.
- Федоров-Давыдов Г. А. 1976. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху // Вопросы истории. № 8. С. 39-48.
- Федоров-Давыдов Г.А. 1981. Монеты Московской Руси (Москва в борьбе за независимое и централизованное государство). М.
- Фоменко В.Г. 1969. Еще о топониме «Кишинев» // Ономастика. М. С. 221-224.
- Хынку И.Г. 1974. Памятники балкано-дунайской культуры (X-XIV вв.) // Древняя культура Молдавии. Кишинев. С.127-150.
- Чеботаренко Г.Ф., Бырня П.П. 1960. Археологические раскопки у с. Бравичены в 1956 году // Известия Молдавского филиала АН СССР № 4 (70). С. 45-53.
- Шабильдо Ф.М. 1987. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев.
- Шильбергер И. 1984. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1327 год. Баку.
- Янина С.А. 1977. «Новый город» (=Янги-шехр = Шехр ан-Джедид) — монетный двор Золотой Орды и его местонахождение // Труды ГИМ. Вып. 49. М. С. 193-213.
- Aboulfeda 1848. Geographie d'Aboulfeda. T. II. Pt. 1. Paris.
- Balard M. 1980. Gènes et l'Outre-Mer. T. 2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponso. 1360. Paris.
- Balbi G., Raiteri S. 1973. Notai genovesi in Oltremare. Atti a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). Genova.
- Bătrîna L., Bătrîna A. 1983. O mărturie arheologică despre relațiile internaționale ale Moldovei în vremea lui Bogdan I // SCIVA. T. 34. Nr. 4. P. 326-333.
- Bogdan I. 1913. Documentele lui Ștefan cel Mare. Vol. II. București.
- Bolșacov-Ghimpu A.A. 1979. Cronica Țării Moldovei pînă la întemeiere. (Contribuții la istoria Moldovei în secolele IV-XIV). București.
- Brătianu G. 1926. Les Bulgares a Cetatea Albă (Akkerman) au debut du XIV siecles // Byzantion. T.II. Paris.
- Brătianu Gh.I. 1991. Tradiția istorică despre întemeierea statelor românești. Chișinău.
- Chronica 1973. Chronica Hungarorum 1473. Budapesten.
- Cihodaru C. 1980. Observații cu privire la procesul de formare și de consolidare a statului feudal Moldova in sec. XI-XIV (II) // AIIAX. T. XVII. P. 117-139.
- Ciobanu V. 1985. Țările Române și Polonia. Secolele XIV-XVI. București.
- Costăchescu M. 1931. Documentele moldovenești înaintea de Ștefan cel Mare. Vol. 1. Iași.
- Decei A. 1973. L'invasion des Tatars de 1241/1242 dans nos région selon la *Djami ot-Tevarikh* de Fâzil ol-Iah Râșid od-Din // Revue Roumaine d'Histoire. T. XII. 1. P. 101-121.
- DIR 1953. Documente privind istoriei României. Veacul XIII, XIV și XV. B. Țara Românească (1247-1500). București.
- DRH // Documenta Romaniae Historica. București: A. Moldova. Vol. I. (1384-1448). 1975; Vol. II. (1449-1486). 1976; Vol. III. (1487-1504). 1980; B. Țara Românească. Vol. I. (1247-1500). 1966; D. Relații între țările române. Vol. I (1222-1456). 1977.
- Eskenasy V. 1981. Din istoria litoralului vest-pontic: Dodrotici și relațiile sale cu Genova // Revista de istorie. T. 34. Nr. 11. P. 2047-2062.
- Eșanu A. 1994. «Întemeierea» Statului Moldovenesc (Interpretări și comentarii după «Letopisețul Țării Moldovei» de Grigore Ureche) // Evul mediu timpuriu în Moldova (probleme de istoriografie și istorie urbană). Chișinău. P. 11-43.
- Gorodenco A. 1999. Ceramica locala de la Orheiul Vechi în secolele XIV-XVI. Rezumatul tezei de doctorat. Iași.
- Gorovei Șt.S. 1973. Îndreptări cronologice la istoria Moldovei din veacul al XIV-lea // AIIAX. T. X. P. 99-123.
- Golubovich P.G. 1913. Biblioteca Bio-Bibliografica della Terra Santa e dell'Oriente Francescano. T.2: Addenda al sec. XIII, e fonti pel sec. XIV. Firenze.
- Grigoraș N., Caproșu I. 1968. Biserici și mănăstiri vechi din Moldova pîna la mijlocul secolului al XV-lea. București.
- Iliescu O. 1958. Însemnări privitoare la descoperiri monetare (II) // Studii și cercetări de numismatică. Vol. II. P. 447-463.
- Iliescu O., 1960. Monede tatărești din secolele XIII – XV găsite pe teritoriul Republicii Populare Române (nota preliminară) // Studii și cercetări de numismatică. Vol. III. P. 263-277.
- Iliescu O. 1971. Emisiuni monetare ale orașelor medievale de la Dunărea de Jos. // Peuce. Vol. II. P. 261-266.
- Iliescu O. 1990. Monedele Țării Românești și ale Moldovei la Marea Neagră (secolele XIV-XV) // Revista istorică. T.1. Nr.6. P. 651-656.
- Iliescu O. 1997. Génois et Tatars en Dobroudja au XVe siècle: l'apport de la numismatique. // Études byzantines et post-byzantines. III. București. P. 161-178.
- Iliescu O., Simion G. 1964. Le grand tresor des XIII et XIV siecles trouve en Dobroudja // Revue des Etudes Sud-Est Europeennes. T. II. Nr.1-2. P. 217-228.
- Iliescu O., Tarălungă P., 1992. Un tezaur monetar de la sfîrșitul secolului al XIII-lea descoperit la Prăjești (jud. Bacău) // Carpica. Vol. XXII /2. P. 247-253.
- Iorga N. 1899. Studii istorice asupra Chilie și Cetății Albe. București.
- Luchian O., Buzdugan G., Oprescu C.C. 1977. Monede și bancnote românești. București.
- Marian S.FI. 1981. Legende istorice din Bucovina. Iași.
- Nicolae E. 1997. Quelques considérations sur les monnaies tatars de «la Ville Neuve» (Yangi-şehr/ Şehr al-cedid) // Studii și cercetări de numismatică. Vol. XI (1995). București. P. 197-200.
- Oberländer-Târnoveanu E., 1985. Documente numismatice privind relațiile spațiului Est-Carpatic cu zona Gurilor Dunării în secolele XIII – XIV // AIIAX. T. XXII/2. P. 585-590.
- Oberländer-Târnoveanu E., 1987. Numismatological contributions to the history of the South-Eastern Europa at the end of 13th century // RRRH. Nr. 3. P. 245-248.
- Oberländer-Târnoveanu E., 1997. Începuturile prezenței tătarilor în zona Gurilor Dunării în lumina documentelor numismatice // Originea tătarilor. Locul lor în România și în lumea turcă. București. P. 93-128.
- Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I., 1981. Contribuții la studiul emisiunilor monetare și al formațiunilor politice din zona Gurilor Dunării în

- secolele XIII-XIV // SCIVA. Nr. 1. P. 89-110.
- Oberländer-Târnoveanu E., Oberländer-Târnoveanu I., 1989. Noi descoperiri de monede emise în zona Gurilor Dunarii în secolele XIII – XIV // SCN. Vol.IX . P. 121-128.
- Panaitescu P.P. 1990. Istoria Românilor. Partea I. Chişinău.
- Papacostea Ş. 1973. La începuturile statului moldovenesc. Considerații pe marginea unui izvor necunoscut // Studii și materiale de istorie medie. Vol. VI. P. 43-59.
- Parasca P. 1997. Evoluția politică internă și poziția internațională a Moldovei. Jumătatea secolului XIV — începutul secolului XV. Autoreferatul tezei de doctor habilitat. Chişinău.
- Pistarino G. 1971. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Chilia da Antonio di Ponzo (1360-61). Borgighera.
- Sacerdoțeanu A. 1968, 1969. «Descălecători de țară, dătători de legi și datini» // Magazin istoric. Nr. 12. P. 2-10; Nr. 1. P. 37-47.
- Spinei V. 1982. Moldova în secolele XI-XIV. București.
- Stahl H.H. 1972. Studii de sociologie istorică. București.
- Sfînga I. 1992. Contribuții privind circulația monedelor moldovenești în Țara Românească // BSNR. Anii LXXX-LXXXV (1986-1991). Nr. 134-139. București. P. 133-136.
- Zaharia N., Petrescu-Dîmbovița, Zaharia Em. 1970. Așezări din Moldova. De la paleolitic pînă în secolul al XVIII-lea. București.
- Vetran A., Custurea G. 1988-1989. Cronica descoperirii monetare în Dobrogea (VIII) // Pontica. Vol. XXI-XXII. P. 381- 383.